

ТИПОЛОГИЯ МАССОВОГО ЖИЛИЩА СОЦГОРОДОВ- НОВОСТРОЕК 1920-х-1930-х гг.

(Расширенный, переработанный и дополненный текст доклада на международной конференции «Mentalita & Mjdnita. «Архитектура и искусство Италии, Германии и России «тоталитарного» периода (Санкт-Петербург, 30 июня-2 июля 2010 г.)

Статья продолжает тему исторической реконструкции советской градостроительной политики в период первых пятилеток, освещения роли архитекторов в процессах формирования среды соцгородов-новостроек. См. в рамках данного тематического цикла: Конышева Е.В., Меерович М.Г. «Берег левый, берег правый»: Эрнст Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования соцгорода Магнитогорска) // Архитектон: известия вузов - 2010. - #30. 1,8 п.л. - режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2010_2/018?portal_status_message=Changes%20saved. – на русс. яз.

УДК
ББК

Подготовлено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009 – 2010. А также гранта Фонда Герды Хенкель для работы в российских архивах по теме: «Немецкие архитекторы в сталинском СССР – борьба за массовое жилище». AZ 19/SR/09. 2010.

В статье представлена типология массового жилища соцгородов-новостроек, рассмотрена градостроительная и жилищная политика советской власти, охарактеризованы общие закономерности реализации генеральных планов поселений в начальный период индустриализации. Статья основана на анализе широкого круга архивных материалов и других первичных источниках

Ключевые слова: соцгород, индустриализация, жилище, барак, землянка, коммунальное заселение, жилищная политика, градостроительная политика в СССР

Типология массового жилища соцгородов-новостроек, возникавших подле возводимых предприятий советской индустрии, не может быть выявлена и объяснена вне понимания реальной социальной структуры населения рабо-

чих поселков и городов, которая, несмотря на идеологически провозглашаемое властью социальное единство советского народа, была очень неоднородна и весьма своеобразно дифференцирована. Причина заключена в той «добровольно-принудительной» миграционной политике, которую осуществляет советская власть для «комплектования населения соцпоселков и соцгородов» в целях обеспечения строительства заводов потребным количеством рабочих рук.

Перемещение и закрепление на новых местах обитания трудовых контингентов возводимых промышленных предприятий осуществлялось в период первых пятилеток несколькими способами:

1) за счет командирования на новостройки высшего руководства (номенклатурных работников). Планомерное формирование номенклатуры началось с 16 ноября 1925 г., когда Оргбюро ЦК РКП (б) принял развернутое положение «О порядке подбора и назначения работников» и утвердил списки номенклатуры должностей. Эти, и подобные им документы, в открытой печати не публиковались, но согласно им строилась вся реальная кадровая политика партийно-государственного аппарата. Так, номенклатура № 1 находилась в ведении ЦК (т. е. Политбюро, Оргбюро и секретарей ЦК); номенклатура № 2 находилась в ведении Учраспреда ЦК РКП (б), т. е. аппарата; а ведомственная номенклатура № 3, находилась в ведении Учраспреда ВСНХ.

Для понимания количества номенклатурных должностей, приблизительных величин кадрового состава номенклатуры и числа назначений – несколько цифр: через Учраспред ЦК РКП (б) между апрелем 1922-го - апрелем 1923 г. было назначено на должности в госаппарате – 10351 человек; между апрелем 1923-го - маем 1924 годов – 6088; между маем 1924-го - декабрем 1925-го – 12227 человек. Всего по номенклатурам № 1 и № 2 значилось 5723 должности. Все эти люди составляли несколько высших слоев госаппарата [29].

К началу индустриализации (во второй половине 1920-х гг.) номенклатура приобрела все внешние признаки своего особого положения, выразившегося в иерархии распределительного обеспечения: единовременных пособиях и крупных премиальных к зарплате; спецпайках; квартирных привилегиях [29] и т.п.

2) за счет добровольного приезда («самотеком»), в широком диапазоне мотиваций, начиная от агитации, вербовки, добровольного получения направлений на ударные стройки по комсомольским путевкам и заканчивая приманиванием молодых людей возможностью получить на новостройках хоть какое-то жилье. Агитаторы, сеть которых действовала по всему Советскому Союзу, призывая ехать на новостройки, на словах обещали достойную заработную плату, жилье, продуктовое и вещевое снабжение, заключали с рабочими индивидуальные и коллективные договоры, которые на деле, как правило, не исполнялись.

3) в результате вольного найма с последующим «добровольно-принудительным» удержанием. Так например, в строительстве Сталинградского тракторного завода осенью 1929 г. участвовали артели (общей численностью свыше 4 тыс. чел.), срок договоров с которыми истекал в ноябре месяце.

«Строительство тогда было делом сезонным. На зиму обычно работы сворачивались, строители – а они, как правило, были сезонники – расходились по домам. На Тракторострое решили поломать эту традицию. Партком принял решение строить завод неослабными темпами и зимой 1929/30 г. Но для этого надо было удержать строителей-сезонников ... отдельные артели уже стали отбывать. Партийная организация поставила задачу – закрепить сезонников на стройке, сделать их кадровыми рабочими, преобразовать артели в постоянные производственные бригады. Борьба разгорелась острая. Во главе артели стояли подрядчики, – это они подписывали договора и фактически были хозяевами артели, держали ее в своих руках ... открыто подбивали сезонников на уход со стройки, пугали их провокационными слухами» [26, с. 49-50]. Подрядчиков объявили «кулаками» и припугнули репрессиями, бригадам задержали выплату денег и, тем самым, сорвали отъезд, посулили большие будущие заработки, и, в конечном счете «... основная масса сезонников осталась на зиму» [26, с. 50]. На крупных предприятиях также широко применялась практика т.н. «самозакрепления» на период до конца строительства завода. Применялась она и к рабочим, и к инженерно-техническому составу. При этом работник брал на себя производственные обязательства, предприятие же в свою очередь предоставляло определенные льготы. Так, для закрепления работников на ММК на вторую пятилетку, завод обязался: снизить квартплату за жилплощадь в домах комбината в 1934 – на 10%, в 1935 – на 25%, в 1936 – 1937 гг. – на 50%; предоставлять в первую очередь жилплощадь в домах комбината; дать преимущественное право работнику и его детям на обучение в образовательной системе комбината; предоставить школьникам горячие завтраки за счет комбината; дать ссуду для покупки семенного картофеля и ссуду для покупки коров; обеспечить преимущественное право на курортное лечение [25, с. 88-89]. Весьма заманчивые предложения в условиях сложнейшей экономической ситуации середины 1930-х гг.;

4) в результате «добровольно-вынужденных» миграций из старых городов в города-новостройки в результате очистки «старых» городов от нетрудоустроенного населения. Различные категории населения: неработающие, деклассированные элементы, лишенцы и др. самостоятельно покидают существующие города и переезжают на новостройки из-за страха быть арестованным и насильственно депортированным. Принудительное перемещение «неработающих» и «деклассированных элементов» законодательно обеспечивается принятием Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений» [10].

5) в процессе «добровольно-вынужденных» миграций из деревни в города-новостройки. Так, например, в 1930-1931 гг. не менее 1 миллиона крестьян, не дожидаясь репрессий, бегут в существующие города и на новостройки. В этот же период к ним присоединяется еще около 2 млн. крестьян, предназначенных на выселение по, так называемой, третьей категории (т.е. в пределах своей области), они также, не дожидаясь депортаций и бросив имущество, уходят из деревни в

города [45, с. 14]. В 1930-1932 гг. страшный голод, унесший миллионы жизней, также выталкивает в города массы крестьянского населения. Например, на Челябинском ферросплавном заводе (первом предприятии одного из промышленных гигантов – электрометаллургического комбината) из 871 человека, пришедшего на завод в 1932 г., крестьяне составили 555 человек, на конец 1932 г. на предприятии рабочих по положению было только 420, в то время как крестьян 717 [18, с. 24-27]. Широко в отношении крестьян использовалась и практика т.н. «отходничества» по договорам с колхозами. Так, к концу 1931 г. половину рабочих на строительстве Челябинского тракторного завода составляли крестьяне-отходники, в 1932 г. их насчитывалось более 7 тыс. О масштабах распространения такого рода вербовки рабочей силы для местной промышленности свидетельствует циркуляр Уральского областного отдела труда, распространенный в апреле 1930 г., где указывается, что почти полностью потребность в рабочих (27 тыс. чел.) должна быть удовлетворена колхозниками-отходниками [19].

6) в результате принуждения к приезду на ударные стройки квалифицированных специалистов (инженеров, техников, мастеров, служащих, квалифицированных рабочих и др. за счет «приказов-направлений», т.н. «оргнабор» [33]). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие» [7] власть окончательно закрепит принудительный характер подобных перемещений специалистов. А также за счет направлений на работу по оргнабору или комсомольским путевкам. Так, 24 декабря 1929 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление: «провести вербовку 7 тысяч молодых рабочих и батраков проверенных на общественной работе ... для направления на Тракторострой» [26]. В тех случаях, когда молодежь не желала ехать по «зову сердца», к отказывавшимся, применялись различные приемы морального воздействия.

7) в результате направления на работу после окончания учебы молодых выпускников средних учебных заведений (т.н. «распределение») – 2 октября 1940 г., одновременным выходом двух постановлений [2, 8], правительство законодательно утвердит практику принудительного перемещения к местам отправления трудовой повинности молодых специалистов среднего специального и ремесленного образования. Одно из постановлений однозначно предпишет: «Предоставить право Совету Народных Комиссаров СССР ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тыс. до 1 млн. человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16-17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения ... Установить, что все окончившие ремесленные училища, железнодорожные училища школы фабрично-заводского обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК СССР ...» [2, с. 775];

8) в ходе «замещающего» перемещения, осуществляемого в «приказном порядке». К подобного рода перемещениям относятся, например, массовые переселения в 1930-е гг. демобилизованных красноармейцев в пограничные районы страны (Украина, Северный Кавказ, Дальний Восток) для создания т.н. «красноармейских колхозов». Подобные переселения выполняли роль компенсирующих (замещающих) заселений на те территории, где после «чисток», коллективизации, депортаций, голодомора и др. причин образовался дефицит трудоспособного населения. Согласно официальной статистике Всесоюзного переселенческого комитета, с 1933 по 1937 г. в СССР в ходе подобного типа государственных плановых переселений было переселено 77304 семьи (включая демобилизованных красноармейцев – одиночек и с семьями) или 347866 чел.» [33, с. 55,67].

9) за счет подневольного перемещения раскулачиваемых крестьян («спецпереселенцы»¹, ссыльные). В 1929-1930 году «на переселенческих земельных фондах общесоюзного значения» совершенно официально планируется поселить и хозяйственно устроить 100 тыс. переселенцев – бывших кулаков и подкулачников. В 1930-32 году планируется переселить 198 тыс. чел. [33, с.2]. Планомерное перемещение раскулачиваемых крестьян законодательно обеспечивается принятием 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое предписывает осуществлять массовые высылки репрессируемых «в отдаленные местности Союза ССР», а также «в пределах данного края и в отдаленные районы края» [33, с. 22], а также серии связанных с ним постановлений ЦИК и СНК СССР [4], СНК РСФСР [3], Наркомзема [6]. «... В основу переселения кладется создание новых экономических районов», прежде всего, в целях планомерного освоение сырьевых ресурсов Урала, Севера, Сибири, Юга и Дальнего Востока. «Переселение отдельных хозяйств прекращается – переселяться будут только коллективы. Главная задача переселения – это не разгрузка аграрно перенаселенных районов, а открытие новых сельскохозяйственных и промышленных районов» [55].

В соцгородах-новостройках спецпереселенцы составляли весьма значительную часть населения. Так например, в 1932 г. в Магнитогорске насчитывалось 205 тыс. жителей., из них заключенных и спецпереселенцев было 50 тыс. чел. Т.е. 24, 3 %². В 1934 г. только семей трудпоселенцев насчитывалось 6866 с числом людей 24063. Всего по Челябинской области 14532 семьи трудпоселенцев насчитывали 52256 человек, и содержались они в 34 трудпоселках [24, с. 89-90].

10) в результате принудительного перемещения в осваиваемые районы лиц, выселяемых в ходе очистки приграничной зоны и т.п. Подобный характер

¹ Макарова Н.Н. указывает: «Термин «спецпереселенцы» использовался до 1934 г. Позже в 1934-1944 гг. их именовали трудпоселенцами, а с марта 1944 – вновь спецпереселенцами» [37, с. 57].

² Рассчитано Макаровой Н.Н. по материалам АЗАГС; МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 2. (Цит. по Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 57).

имело, «...организованное государством, переселение 1935-1937 гг. сельскохозяйственного населения из европейской части страны (Воронежская и Горьковская области, Чувашия, Татария) в Восточную Сибирь. Оно затронуло около 10 тыс. семей, или до 45 тыс. чел...» [33, с. 55,67];

11) в результате перемещения заключенных (репрессированных) технических специалистов, а также в составе контингентов концентрационных (исправительно-трудовых) лагерей. Так, в начале 1930-х гг. «...на строительстве Магнитогорска работала группа технических специалистов в количестве 20-30 человек. Практически все они проходили по «процессу Промпартии 1930 года» и были отправлены в Магнитогорск для отбывания наказания. Это были высокообразованные люди, окончившие лучшие учебные заведения царской России или за границей. В Магнитогорске они жили в лучших домах, работали, как правило, на руководящих должностях, пользовались автомобилями, но были под контролем ГПУ» [48, с. 42-44].

В мае-июне 1929 г. под грифом «Совершенно секретно» выходят сразу три постановления Политбюро ЦК ВКП (б) с одинаковым названием: «Об использовании труда уголовных арестантов». В первом, предписывается: «Перейти на систему массового использования ... труда уголовных арестантов» [48, с. 62]. Во-втором: «...ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в р-не Ухты...» [48, с. 62]. В третьем: «Именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями» [48, с. 62]. В приложении № 3 к третьему постановлению разъясняется более детально и подробно для чего надо организовывать новые концлагеря, называемые теперь исправительно-трудовыми: «Организовать новые концентрационные лагеря ... в целях колонизации этих (отдаленных – М.М.) районов и эксплуатации их природных богатств» [48, с. 62].

Согласно этим постановлениям, контингенты заключенных начинают направляться в зоны ресурсного освоения – в места лесозаготовок, добычи полезных ископаемых, на трассы строящихся автомобильных и железных дорог, водных каналов, а также к местам возведения заводов-гигантов и соцгородов-новостроек. То есть в места, которые планом первой пятилетки намечены в качестве ареалов индустриального развития – Урал, Северный край, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Южный Казахстан, Средняя Азия, Украина, Горьковский край, Ленинградская область, Средняя Волга, Башкирия и т.д. [31, с. 122]. В 1933 г. к списку добавляется Белбалткомбинат НКВД (Беломоро-Балтийский канал) [31, с. 122].

12) за счет удерживания досрочно освобожденных заключенных на «закрепленном поселении». В 1930-е гг. подобное происходило, по меньшей мере, дважды: в 1933 г. после акции по «разгрузке мест заключения», когда в спецпоселки и трудпоселения Западной Сибири и Казахстана было направлено свыше 100 тыс. заключенных, досрочно освобожденных из тюрем, лагерей и колоний. И в 1933-1934 гг., когда колонизационные поселения, создаваемые для осуществления программы освоения зоны БАМ, стали формироваться за счет заключенных, отбывавших сроки в БАМЛАГ и переводимых на режим

поселения [33, с.64]. Подобное происходило и в последующие годы, например, в виде локальных депортаций – перемещений спецпереселенцев из северо-восточных и южных (кузбасских и новосибирских) комендатур в северные (нарымские) спецкомендатуры [33, с.65] Осуществлялись подобные перемещения и в послевоенный период;

13) а результате насильственного «придания оседлости» (принуждение к смене образа жизни и характера трудовой деятельности) – депортации с целью закрепления кочевых народов на земле. «В 1932г. сотни казахов работали на кемеровских предприятиях. Большинство – семейные, прибыли из районов Семипалатинска в количестве более полутора тысяч человек. Работали они в основном на Энергострое (359 чел.), Цинкострое (52 чел.), Кузбасстрое (40 чел.), Коксохимкомбинате (118 чел.), Сибстройпути (120 чел.) и т.д. Большинство проживало в землянках, остальные – в бараках. Некоторые не имели жилья – ночевали по месяцу и более на станции. Поначалу же депортированным вообще негде было жить – их бросили посередь тайги, и они обитали там в летнюю пору под деревьями, потому что в городе селиться было некуда» [46].

14) за счет размещения эвакуированных и реэвакуированных;

15) за счет размещения беженцев и репатриантов. Герман Грайф в своей книге «Принудительный труд в СССР» пишет: «Репатриант Эрнст С., который был арестован и сослан ГПУ, рассказал кроме всего прочего следующее: «Через немного дней я прибыл в большой лагерь Магнитогорск, к востоку от Урала, в нем было 12000 человек и он делился на 7 подлагерей. Поблизости находилась еще одна штрафная колонна на 14000 человек и еще один лагерь. В моем лагере заключенные занимались строительством плотины Зимой 1932/33 в этом лагере г. Магнитогорск замерзли в общей сложности 11000 человек, о чем мне рассказали заключенные, которые работали с книгами в конторе. ... В октябре 1933 г. мне удалось освободиться и убежать в Германию» [50, С. 47].

* * *

Итак, население соцгородов, в общей сложности, насчитывало по меньшей мере пятнадцать социальных групп населения, весьма сильно различающихся и обитавших изолированно друг от друга [47, С. 42]. При формировании жилого фонда городов-новостроек, типология и реальные объемы возводимого жилища, предельно точно отражают социальную неоднородность населения соцгородов. И демонстрируют различие жилищной политики советской власти по отношению к каждой из этих группам.

В Магнитогорске, например, в период первой пятилетки, насчитывалось восемь основных группы населения:

1. партийно-советское руководство и иностранные технические специалисты – 2-3%
2. коммунисты и комсомольцы – 10%;
3. вольнонаемные – 30-35%;
4. спецпоселенцы (кулаки) – 25%;
5. спецпоселенцы («эмигранты») – 1,25%;
6. заключенные – 12%;
7. пораженные в правах (лишенцы) – 0,02%;

8. прочие категории – 13,73%

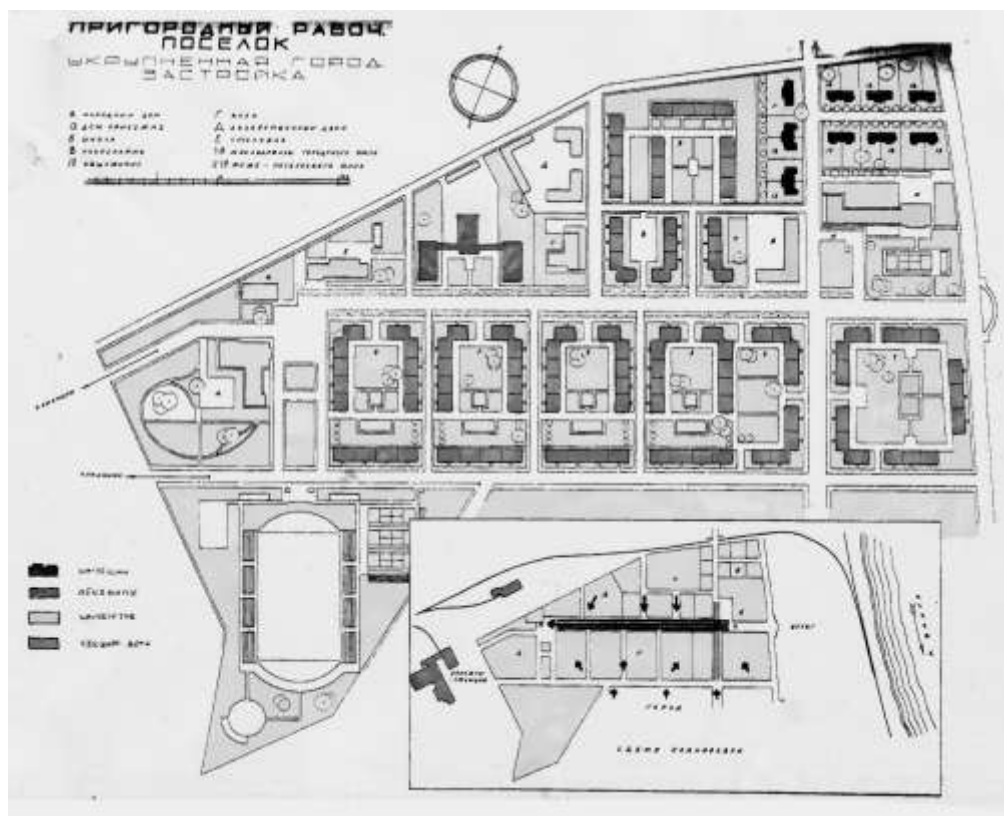
Эти группы, постоянно изменялись по персональному составу, но по «содержанию» и в процентном соотношении, оставались, практически, неизменными. Так например, к концу 1932 года, приблизительно, 35 тысяч магнитогорских «кулаков» (что составляло 25% от общего числа жителей города) обитали в палаточном городке. В зиму 1932/33 года, когда температура воздуха часто опускалась ниже сорока градусов, 10% населения палаточного городка умерло, не вынеся тяжелых условий жизни и недоедания. Практически ни один ребенок младше десятилетнего возраста не пережил эту зиму. Но уже в следующем году численность «кулаков» пополнилась и далее, вплоть до 1938 г., эта категория неизменно насчитывала около 30 тысяч человек [47, с. 42-44].

Итак,

1. партийно-советское руководство и иностранные технические специалисты – 2-3%
2. вольные – 58,7%
3. подневольные – 38,3%;

Относительно последней категории населения сложно сказать что-либо определенное – они находились в юрисдикции силовых ведомств и описание условий повседневного обитания этой подневольной категории населения соцгородов, типологии жилья, в котором они обитали, превращение, после отбытия наказания в свободных жителей и способы обретения новых жилищных условий, характер этого нового жилища и т.п. – еще ждут своих исследователей.

Что же касается вольной части населения соцгородов, то о типах жилищ, в которых они существовали, мы можем судить достаточно точно, потому, что она зафиксирована в проектах жилых домостроений, специально разработанных и официально рекомендованных для строительства в рабочих поселках и соцгородах первой пятилетки. Так, в 1929 г. выходит в свет, альбом типовых проектов жилых и общественных зданий, рекомендуемых для городского и поселкового строительства [40]. Он подготовлен годом раньше, по инициативе и под руководством Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк) при участии представителей основных ведомств-застройщиков и организаций-проектировщиков (ВСНХ СССР, НКТП, НКТ, Центрожилсоюза, ВЦСПС, Моссовета. Института сооружений). В разделе «Рабочий поселок», приведен, рекомендуемый к массовому применению, пример планировки поселка, (*Илл.1*) рассчитанного на население в 3200 чел. со следующей типологией домов: а) секционные дома, б) общежития, в) коттеджи [47, с. 96] (*см. Таблицу 1*).

Илл.1. Альбом Цekomбанка «Проекты рабочих жилищ» (1929). Планировка рабочего поселка. Рекомендуемый проект для строительства в 1929-1930 гг.

Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С. 104.

Таблица 1.

Типология жилища и характер заселения жилого фонда в рекомендуемом Цekomбан-ком типе поселка с интенсивной застройкой зданиями городского типа (1929 г.)

№ п/п	Численность проживающих (примерная) и тип жилища	Количество квартир для каждой категории	Расчет количества комнат и характера заселения (чел./комн.) по категориям проживающих
	60-65 чел. (семейных) – в двухквартирных коттеджах (9 шт.)	18 квартир	2% ИТОГО – 18 квартир на 18 семей (60-65 чел.) для посемейного заселения, т.е. в одну квартиру одна семья
	250 чел. (одиноких, холостых) – в общежитиях (2 шт.)	-	8% ИТОГО – 28 комнат с заселением 2-3 человека в каждую комнату
	2890-2885 чел. (семейных) – в 1-2-3 комнатных (квартирных)	576 квартир	90% } 1 комнатных квартир (156) 2-х комнатных квартир (222); } = 1096 комнат 3-х комнатных квартир (198)

	домах (23 шт.)		ВСЕГО – 576 квартир = 1096 комнат с заселением 2-3 человека в каждую комнату
	ВСЕГО – 3200 чел.		ИТОГО – 18 квартир индивидуального заселения; 1096 комнат с заселением по 2-3 человека в каждую комнату; 28 комнат в общежитиях с заселением по 2-3 чел. в каждую комнату

Итак, структурное соотношение типов жилья для вольной части населения соцгородов и соцпоселков:

- для 2-5% населения (партийно-административное руководство) – жилище повышенной комфортности;
- для 15-20% населения (одинокое и холостые) – предельно упрощенное жилище – общежития, казармы, бараки, дома-коммуны и проч.;
- для 70-80% (семейные) – коммунальное жилище покомнатно-посемейного заселения.

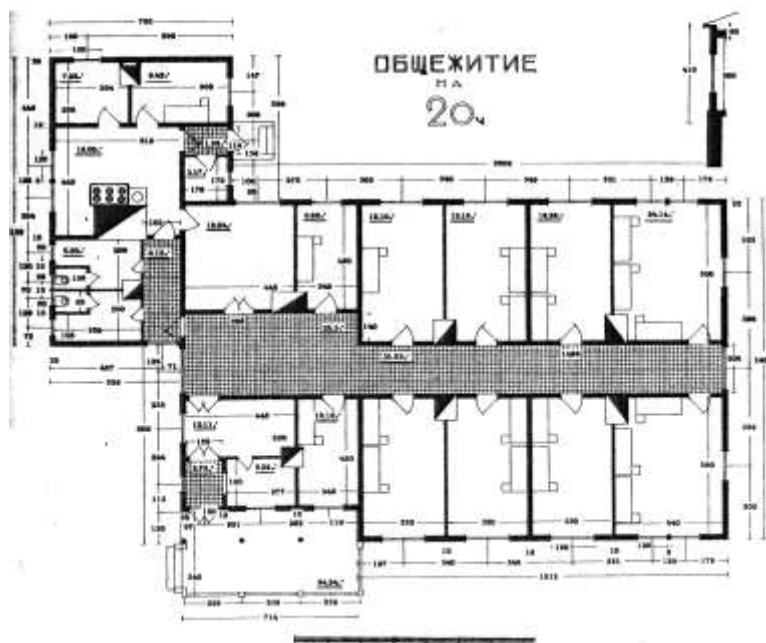
Данное структурное соотношение типов жилья сохраняется в программах на проектирование соцгородов и рабочих поселков, фактически, на протяжении всего довоенного периода.

Варируются лишь конкретные виды домостроений. Так, общежития могут существовать в виде специально построенных деревянных или каменных домов коридорного типа. (Илл.2,3,4,5,6), а могут в виде казарм, бараков, землянок, (Илл.7,8,9) или даже приспособленных под жилье старых железнодорожных вагонов, больших палаток (Илл.10) и проч. Элитное жилище может возводиться в виде отдельностоящих коттеджей или попарно блокированных домов. (Илл.11,12,13,14,15,16,17).

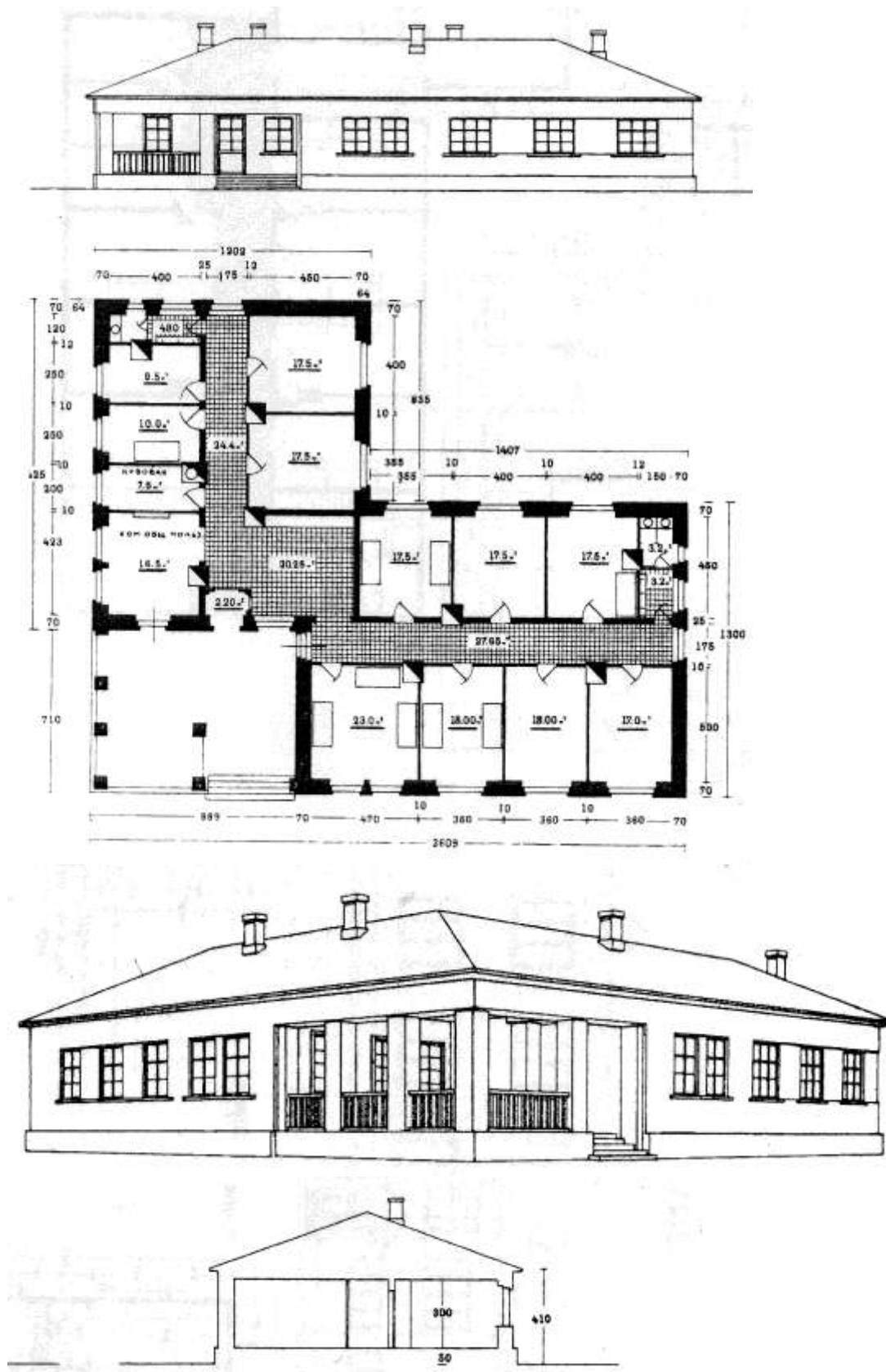
Илл.2. Общежитие (одноэтажное, каменное) на 20 человек. Проект. 1929

Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С. 185.

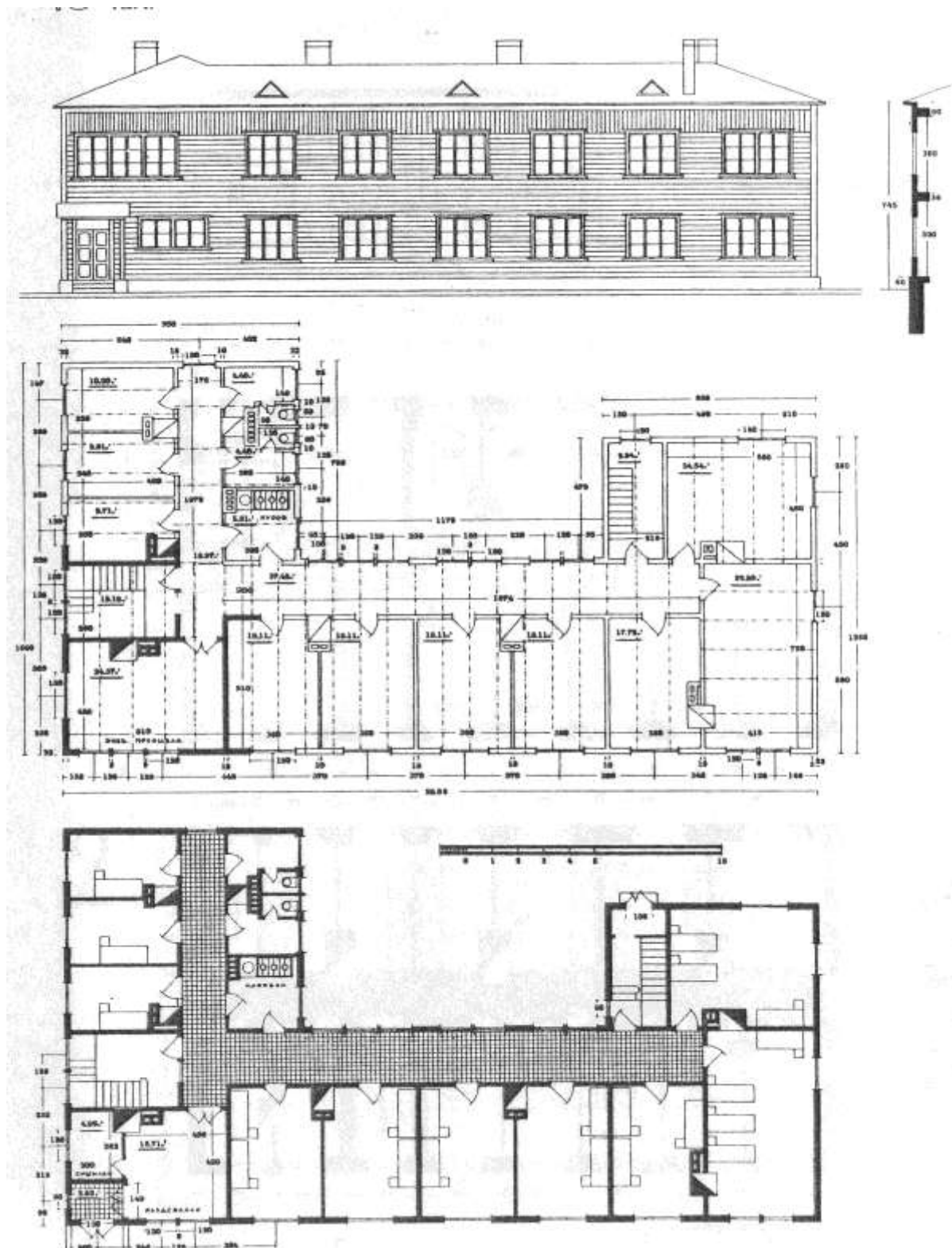

Илл.3. Общежитие (одноэтажное, каменное) на 20 человек. Проект. 1929.

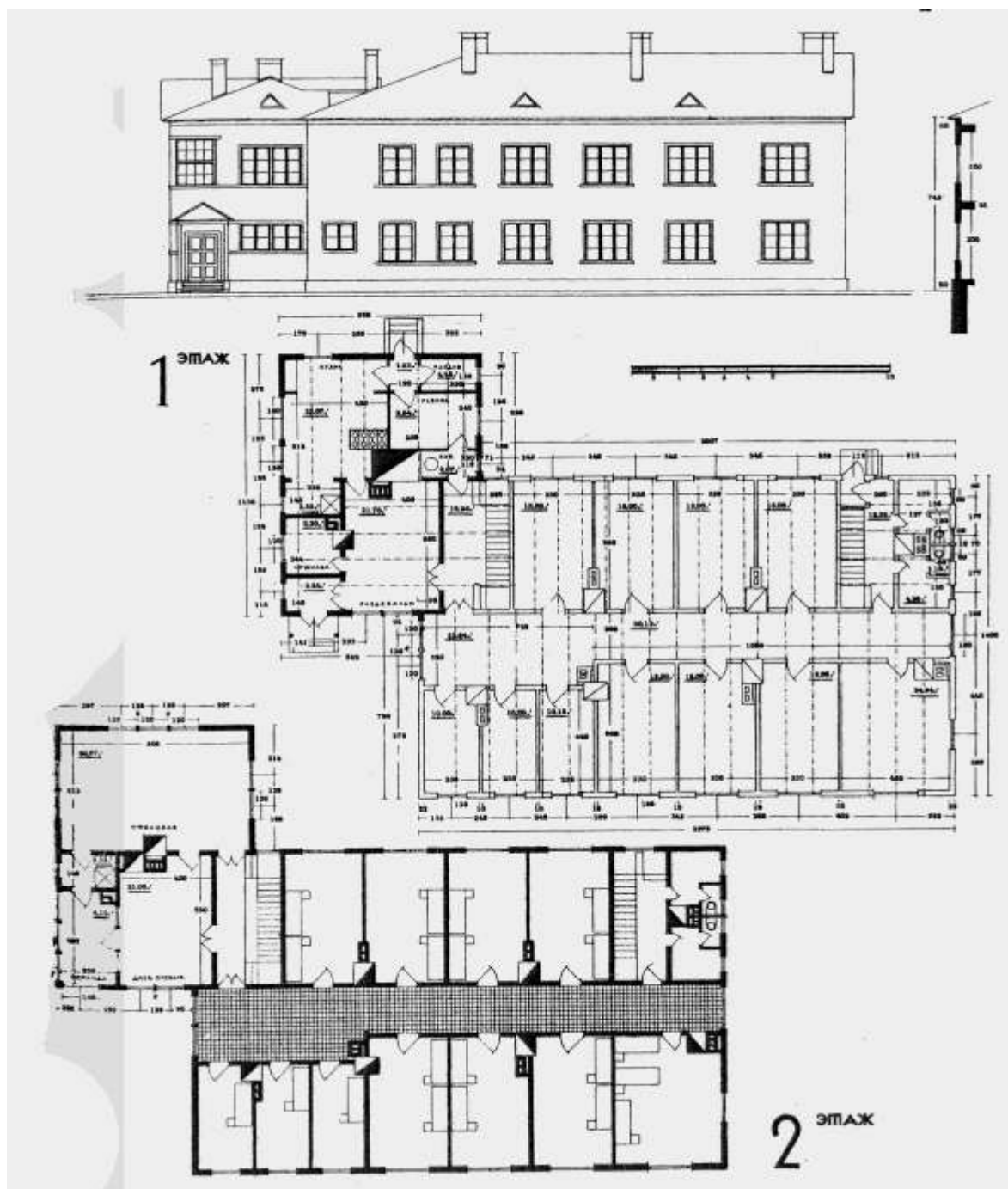
Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С.187.

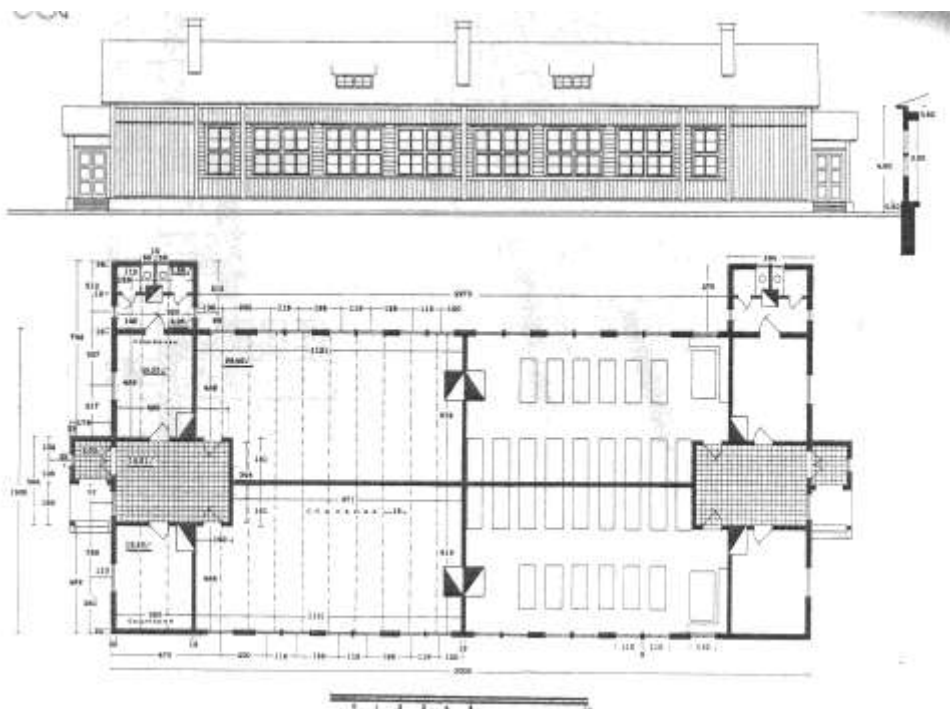
Илл.4. Общежитие (одноэтажное, каменное) на 20 человек. Проект. 1929.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С.189.

Илл. 5. Общежитие (2-х этажное, деревянное) на 40 человек. Проект. 1929.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С.191.

Илл. 6. Общежитие (2-х этажное, каменное) на 40 человек. Проект. 1929.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С.193.

Илл. 7. Барак (одноэтажный, деревянный) на 50 человек со столовой. Проект. 1929.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С.203.

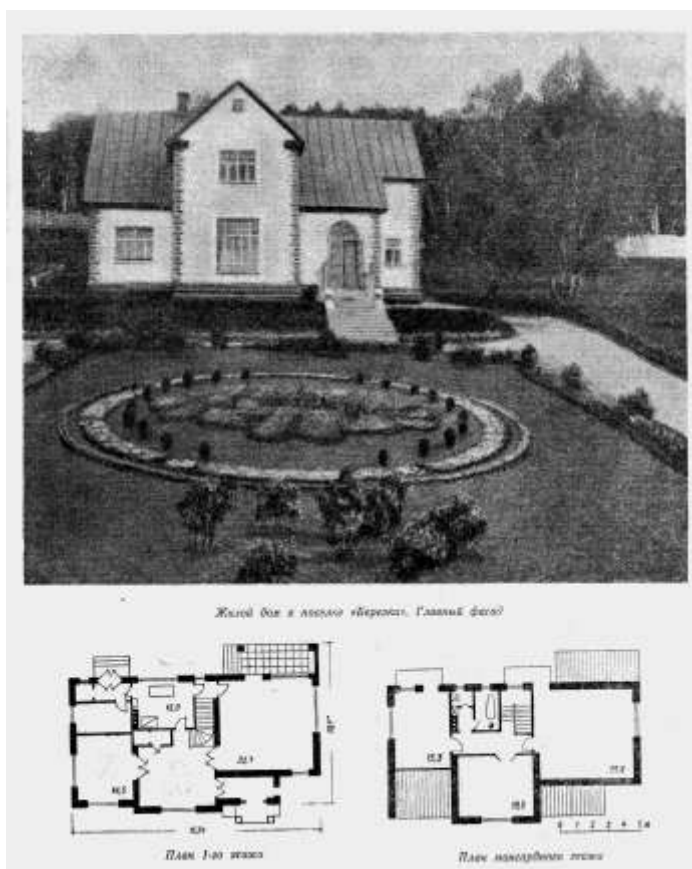
Илл. 8. Барак (одноэтажный, деревянный) на 50 человек со столовой. Проект. 1929.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С.203.

Илл.9. Барак (одноэтажный, деревянный) на 60 человек Проект. 1929.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С.203.

Илл.10. Палаточный лагерь строителей Магнитогорского металлургического комбината. Фото. начало 1930-х гг.
 Источник: // USSR im bau. 1932. № 1

Илл.11. Соцгород Магнитогорск. Жилой дом в поселке «Березки». Фасад, планы. 1930-е гг.
 Источник: Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып.1. Поселковое строительство 1918-1948 годов. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. М. 1951. – 200 с., Таблица 25.

Илл.12. Соцгород Магнитогорск. Жилой дом в поселке «Березки». Фасад, планы. 1930-е гг.
 Источник: Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып.1. Поселковое строительство 1918-1948 годов. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. М. 1951. – 200 с., Таблица 21.

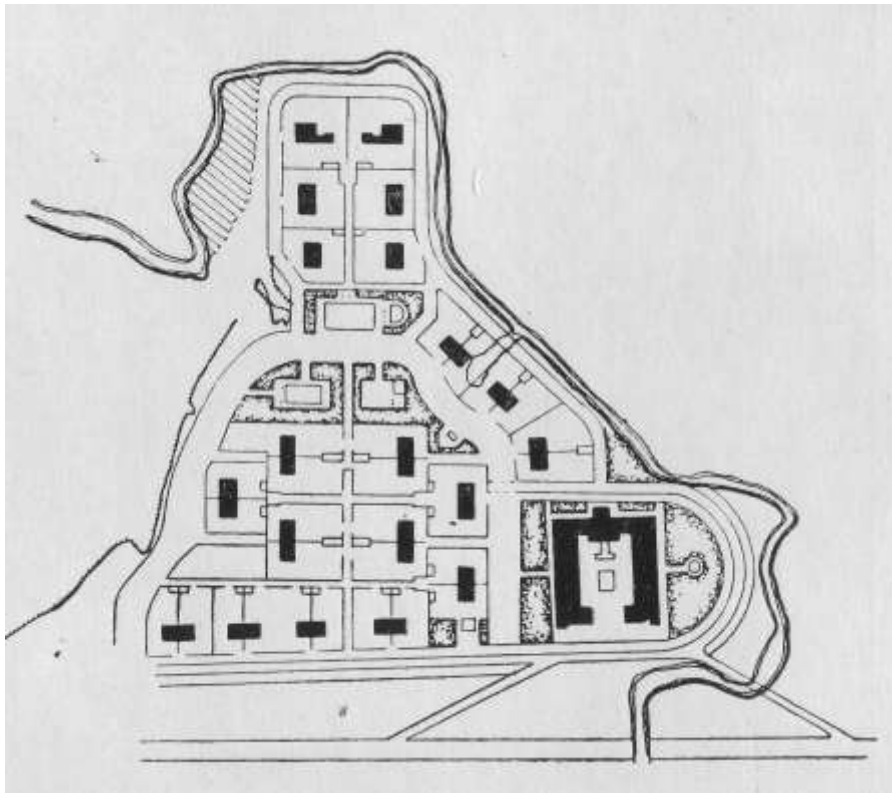
Илл.13. Соцгород Магнитогорск. Жилой дом в поселке «Березки». Фасад, планы. 1930-е гг.

Источник: Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып.1. Поселковое строительство 1918-1948 годов. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. М. 1951. – 200 с., Таблица 25.

Илл. 14. Коттеджный поселок для руководства. Соцгород Чирчикстрой. Арх. Орлов Г.М., Лавров В.А., Тарakanов М.И. Фото с натуры. 1930-е гг.

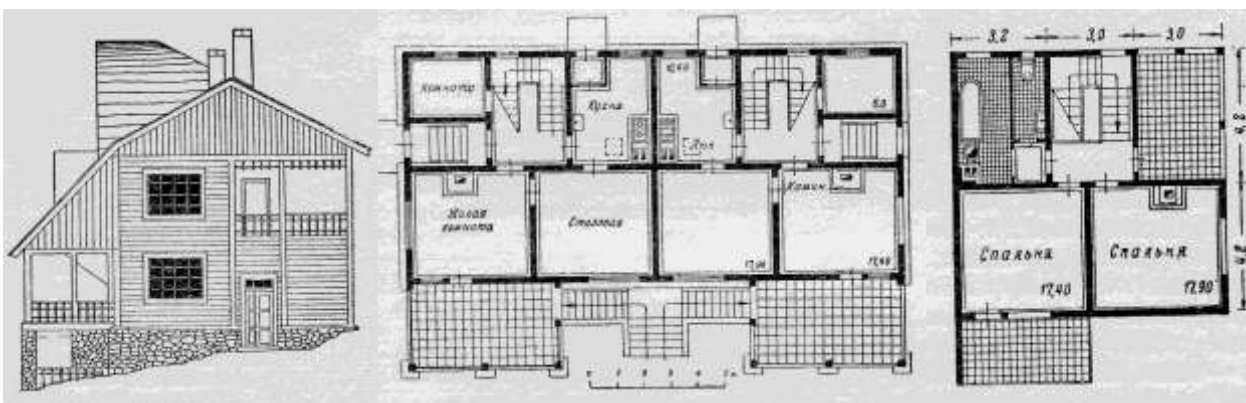
Источник: Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып.1. Поселковое строительство 1918-1948 годов. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. М. 1951. – 200 с., Таблица 26.

Илл.15. Коттеджный поселок для руководства. Соцгород Чирчикстрой. Арх. Орлов Г.М., Лавров В.А., Тараканов М.И. Фото с натуры. 1930-е гг. Генплан.

Источник: Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып.1. Поселковое строительство 1918-1948 годов. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. М. 1951. – 200 с., Таблица 26.

Илл. 16 Кузнецкстрой. Верхняя колония. 2-х квартирный каркасно-засыпной коттедж. Фасады. Планы. 1929.

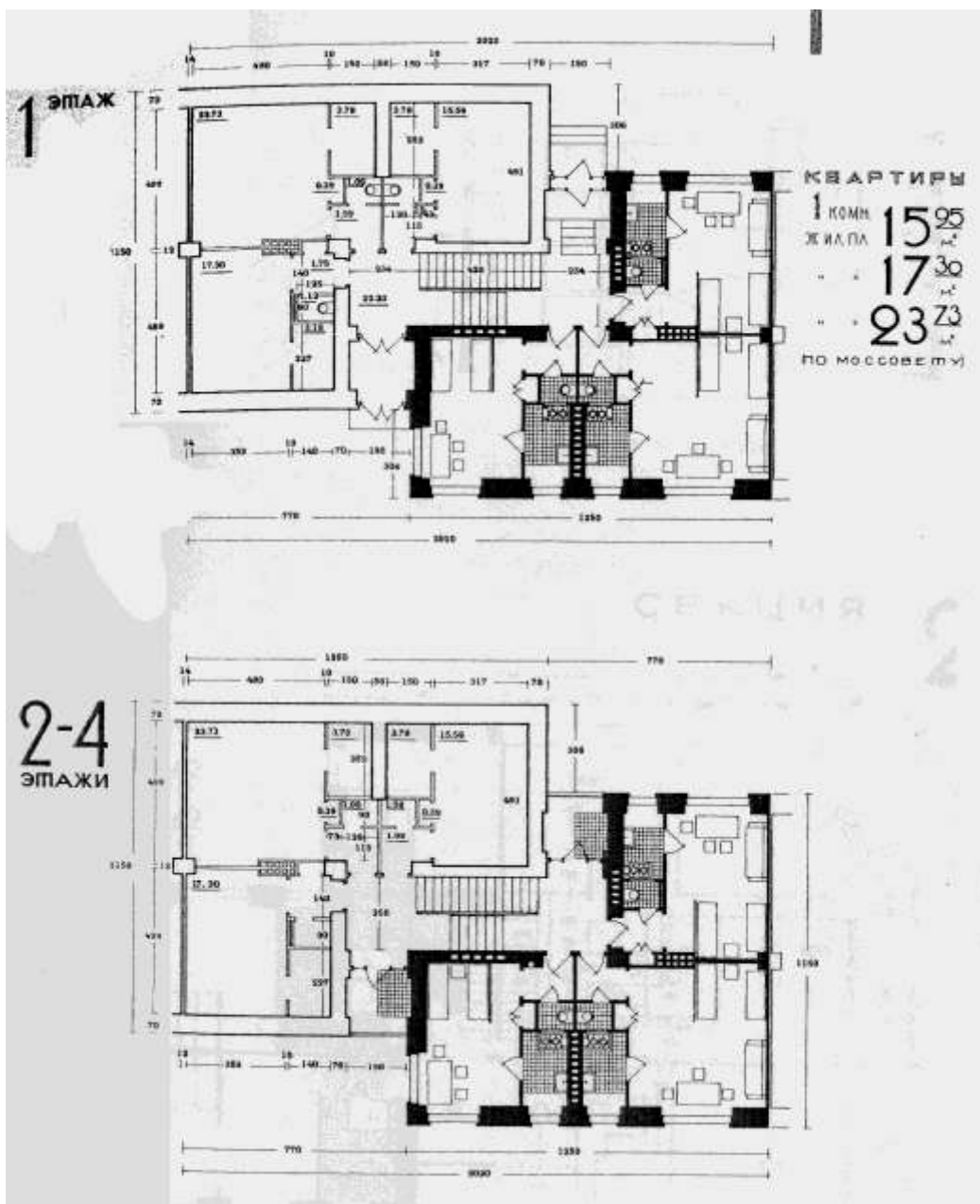
Источник: Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып.1. Поселковое строительство 1918-1948 годов. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. М. 1951. – 200 с., Таблица 23.

Илл. 17. Кузнецкстрой. Верхняя колония. Коттедж (2-х квартирный каркасно-засыпной).

Источник: Предоставлено И.В. Захаровой.

Жилье для технических специалистов и руководителей среднего звена – в виде деревянных 2-х этажных жилых зданий или каменных 3-4-х этажных секционных жилых домов (*Илл.18,19*), как правило, превращаемых в коммуналки в результате покомнатно-посемейного заселения, а также в виде специально спроектированных домов-коммун.

Илл.19. Секционный 3-4-х этажный каменный жилой дом, рассчитанный на покомнатно-посемейное заселение, рекомендуемый для массового строительства. 1929.

Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – С. 23.

И в рекомендуемых проектах рабочих поселков, и в реальной застройке соцгородов, отдельностоящие коттеджи или попарно блокированные дома для партийно-советского руководства; и многоквартирные дома для иностранных специалистов, как правило, группируются в отдельные компактные зоны (Илл.20).

Илл. 20 Соцгород Магнитогорск. Американский городок для иностранных специалистов. Предоставлено В.А.Токаревым

Но в официальных программах-заданиях на проектирование соцгородов подобные обособленные поселения для начальства или крупных иностранных технических специалистов не значатся. Там присутствует лишь многоквартирный жилой фонд, который проектируется и возводится повсеместно – не только в соцгородах-новостройках, но также и в рабочих поселках, возводимых при промышленных предприятиях. Так на заседании Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г., при рассмотрении проектируемых типов жилой застройки рабочего поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19, выполненного Гипрогором, предписывается осуществлять единственный тип – многоэтажное многоквартирное строительство [12, с. 1-об].

В официальных программах-заданиях не значатся также и другие типы жилья, реально возводимого в соцгородах: бараки, палатки, землянки, шатры, балаганы, юрты, списанные железнодорожные вагоны и т.п. Они составляют, как бы «негласную» сторону проектирования и строительства. Официальную структуру жилого фонда соцгородов составляют лишь два типа домов: а) многоквартирные дома (кирпичные, шлакобетонные, деревянные – щитовые, рубленые, брусовые) – секционные, парные и отдельностоящие; б) общежития (и/или дома-коммуны).

Например, исходная официальная типология жилого фонда в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке, зафиксированная во второй части программы «О типе жилых домов», принятой СТО и Госпланом СССР 1 сентября 1930 г., включает именно эти две группы домостроений: а) общежития для расселения одиноких (12% жилого фонда для заселения 20% взрослого населения [44]) и дома-коммуны (13% жилого фонда для расселения примерно 13% населения), б) индивидуальные квартиры в многоквартирных домах – 75% жилого фонда для заселения 67% населения (их предлагается проектировать, прежде всего, многокомнатными). Проектируемые многокомнатные квартиры предлагаются при-

нять общей площадью 70-80 кв. м., исходя из перспективной нормы в 9 кв. м./чел., т.е. из соображений «дальнейшего улучшения жилищного положения».

Заметим, что подобное вполне здоровое требование учета возможного перспективного улучшения жилищных условий, на практике приводит, к превращению индивидуального жилища в коммунальное. Так как очередники, в квартиру, спроектированную на основе норматива в 9 кв. м на человека, заселяются из расчета 4–6 кв. м. на чел, то есть, фактически: в 2-х комнатные (30 кв.м.) по 5–6 чел. в каждую квартиру; в 3-х комнатные (40–45 кв. м.) по 7-9 чел.; в 4-х комнатные (50-55 кв.м.) – по 9–11 чел.; в 5-ти комнатные (60–70 кв. м.) – по 12–14 чел.; в многокомнатные (более 70 кв. м.) заселяется более 14-15 чел. в каждую квартиру [13, л. 1].

Итак, предписанная в программе-задании типология жилых домов в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке представляет собой следующее:

общежития – 12%,

дома-коммуны – 13%,

секционные дома с индивидуальными квартирами (предусматривающими также покомнатно-посемейное заселение) – 75% [13, л. 109].

Однако, руководством комбината (отвечающим за расселение людей), предписываемая в программе-задании первоначальная типология жилища, незамедлительно «сдвигается» в сторону коммунального быта: индивидуальных квартир предписывается строить всего лишь 15%. Из них: 10% – 2-х комнатные квартиры (30 кв.м. на 5 жителей) и 3-х комнатные (40–45 кв. м. на 7 жителей) и 5% – 4-х комнатные (50–55 кв.м. на 9 человек). Оставшийся процент многокомнатных квартир предлагается отнести к группе общежитий. Эту инициативу необходимо согласовать с Москвой: «поручить тов. Шмидту согласовать этот пункт в Госплане» [14, л. 2-об]. Таким образом, количество домов с индивидуальными квартирами уже на стадии проектирования уменьшается в пять раз – с 75% до 15%.

В итоге реальное соотношение типов проектируемого жилища серьезно трансформируется, причем, с точностью до наоборот – основную «массу» теперь составляют общежития:

- общежития – 72%,

- дома-коммуны – 13%,

- дома с индивидуальными квартирами – 15%

Причем, из намеченных к проектированию 15% индивидуальных квартир, большую часть – 12,5 %, изначально предполагается превратить в коммуналки: « ... 12,5% квартир будут построены как коллективные квартиры» [15, с. 104-105]. В реальной практике возведения и эксплуатации жилого фонда дома с индивидуальными квартирами в качестве «жилья для всех», остаются лишь на бумаге или в форме идеологических воззваний. А те дома с индивидуальными квартирами, которые все-таки строятся, практически в каждом соцгороде, являются «суперэлитным» жилищем. О них речь ниже.

В конечном счете, фактическая типология проектируемого в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке жилища, в конце 1930 г. представляет собой следующее:

- коммунальное жилье – 97,5% (общежития, а также коммунальные квартиры покомнатно-посемейного заселения – 84,5%, дома-коммуны – 13%);
- дома с индивидуальными квартирами – 2,5%.

В коммунальное жилье превращались и квартиры, изначально спроектированные как индивидуальные. Это осуществлялось за счет заселения по семье в каждую из комнат больших полноценных квартир. Так например, в первом квартале соцгорода Магнитогорска центральная зона (вдоль ул. Пионерской) занята четырехэтажными, секционными кирпичными домами с 3–5-комнатными квартирами, площадью от 75,8 до 93,7 кв. м. (1930, тип Госпроекта). Эти квартиры изначально проектировались для покомнатно-посемейного заселения на основе группировки помещений вокруг общей прихожей, из которой двери вели в «односемейные комнаты». Коммунально эти квартиры потом и эксплуатировались.

По тому же принципу заселялись двух-четырёхкомнатные квартиры (от 46,5 до 85 кв. м) в 4-этажных кирпичных секционных домах (1931 – 1932, тип Мосстроя) в квартале соцгорода ЧТЗ.

Кстати, немецкий архитектор Э. Май, много и плодотворно трудившийся над проектами «соцжилищ», наблюдая практику коммунального заселения в Магнитогорске и других соцгородах, целенаправленно пытается своими проектными решениями воспрепятствовать подобному покомнатно-посемейному обитанию. Он проектирует жилые помещения в 2-3-х комнатных квартирах, таких габаритов, чтобы в них можно было вселить не больше двух человек. Стремясь «избежать нежелательного проживания двух семей в одной квартире» [16, л. 54], он закладывает планировки спален точно такие же, как в своем проекте «минимальных квартир» для поселка Цели в Германии – узкие и длинные: шириной в 1,57 м. и глубиной – 4,53 (т.е. площадью 7,1 кв.м.) [16, л. 40]. Такие габариты «комнаты-вагончика» не позволяют расставить больше двух кроватей.

Подобное решение, как ему представлялось, должно вынудить власти выделять семье из 5-7 человек одну квартиру целиком. Правда, Э. Май совершенно не предполагал, что в социалистическом государстве местные власти или представители ведомств на местах могут при вселении людей, абсолютно не считаться с законодательно утвержденными общегосударственными санитарными нормами и ничего не знал о таком широко известном в СССР «устройстве», как двухярусные нары. А поскольку в реальности, при невероятном дефиците жилья, санитарных норм никто не придерживался и при вселении на одного человека выделялось не больше 1,5–2 кв. м., то и его проекты индивидуальных квартир, как и все прочие, с неизбежностью превращались в коммунальное жилище. Зато проектное «вольномудство» Э. Мая экспертной комисси-

ей, рассматривающей его проекты, немедленно ставится ему в вину – недопустимо маленькая площадь комнат, в сравнении с нормативами.

В реальности, массовым жилищем для рабочих и служащих являются общежития, которые возводятся либо в виде «капитального» жилища: 2-х этажных секционных каменных, деревянных (рубленных из бревен, собранных из бруса и проч.) или суррогатных (камышитовых; с обмазкой глиной по деревянной обрешетке на каркасе; с засыпкой в качестве утеплителя строительным мусором и т.п.) домов; либо в виде, так называемого «временного» жилища: бараков, землянок, утепленных палаток и проч.

Капитальных домов (каменных, деревянных) домов возводятся, как правило, единицы. Так, в Магнитогорске, удается построить капитальные домостроения не для 95%, а только лишь для 15%–20% населения. Остальные жители вынуждены обитать во временном жилище. Так, по свидетельству американца Джона Скотта [51], в 1938 г. в Магнитогорске капитального жилища было возведено всего около 17% (по словам Дж. Скотта эти цифры предоставил ему знакомый советский чиновник):

- коттеджный поселок «Березка» (роскошные виллы высокого заводского, партийного и энкавэдэшного начальства) и Центральная гостиница – 2%;
- 3-5 этажные дома (50 шт.) с покомнатно-посемейными коммуналками (по 3-4 человека в комнате с водопроводом, отоплением и электроплитами) – 15%;
- самострой (собственные дома - «нахаловки») – 8%;
- «временное жилье» (бараки и др.) – 50%;
- землянки – 25%.

Эти частные свидетельства подтверждаются официальными данными, представленными в докладной записке Магнитогорского горкома ВКП (б) Центральному Комитету ВКП (б) и Челябинскому обкому ВКП (б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске» (1938) [24, с. 229]. Согласно сведениям, приведенным в ней, жилой фонд Магнитогорска (общей площадью – 577,6 тыс. м²) через 8 лет после начала строительства (на 1 января 1938 г.) имел следующую структуру и объемы площадей: а) капитальные дома – 189,2 тыс. м²; б) бараки – 271,1 тыс. м²; в) индивидуальные дома – 16,3 тыс. м²; г) землянки – 101,0 тыс. м².

То есть:

- индивидуальные дома – 2,8%³,
- капитальные дома – 32,8 %⁴,
- «временное жилище» – 64,4% (бараки – 46,9 %⁵, землянки – 17,5%⁶).

Основной причиной незначительных объемов строительства капитальных зданий, была политика власти, отдававшей в условиях мобилизационной эконо-

³ Износ не учтен.

⁴ Износ этой части жилого фонда составляет на 1 января 1938 г. – 20-30%.

⁵ Износ 60-70%.

⁶ Износ 100%.

мики однозначный приоритет промышленному строительству. Именно эта политика предопределяла минимальный характер инвестиций в жилищное и культурно-бытовое строительство. Показательны цифры Магнитостроя, где гражданские затраты составляли от 1,8% в 1930 г. до максимума – 15% в 1935 г. от общих размеров капиталовложений в строительство Магнитогорского металлургического комбината. При этом скачок к 14–15% в 1934–1936 гг. был достаточно резок. В основном вложения колебались в пределах 5–7%. Так, в 1931 г. инвестиции составили 4,5%, в 1932 г. – 5,3, в 1933 г. – 8,9%, а после 1936 гг. произошло обвальное падение вложений вплоть до 1,1 в 1940 г. [24, л. 215].

При этом, из ассигнованных на гражданское строительство минимальных средств, основная доля, особенно на начальных этапах застройки любого поселения, направлялась, с точки зрения сиюминутной выгоды, на временное, упрощенное и потому дешевое строительство. На Магнитострое, например, на временное строительство было направлено в 1929 г. 58,4%; в 1930 г. – 42,3%; в 1931 г. – 30,1%.

Результаты такой политики были весьма долгосрочными. Так, в Магнитогорске даже к 1959 г. временные сборно-щитовые и каркасно-засыпные постройки, в т.ч. бараки, по обеим сторонам пруда составляли 262 тыс. кв. м. или 14,7% всего жилого фонда.

Реалии «временного» строительства, представшие «во всей красе» к 1933 – 1934 гг. заставляли проектировщиков предусматривать в генпланах для «барачных городов» особые участки, не ориентируясь более на абстрактный идеал «социалистического города». В генплане Орска 1934 г. (Горстройпроект, М. Стам, Х. Шмидт и др.), например, отмечалась необходимость считаться с тем, что временные поселки Орсклокомотивстроя, за исключением летних барачных корпусов будут амортизироваться в течение 15 – 20 лет, и в первое время с неизбежностью станут частью соцгорода. Поэтому проект предусматривает включение их в планировку города...». Очередной проект соцгорода Орска, как и генплан левобережного Магнитогорска (Стандартгорпроект, 1933, Э. Май и др.) предусматривали сохранение, раскинувшегося прямо под стенами комбинатов, огромного, на много километров, массива «временной» застройки. Прекрасно понимая существующее положение с обеспечением жильем, проектировщики генплана Нового Орска (1934) прагматично предполагали, что «в качестве жилых помещений казарменного типа можно будет использовать выстроенные на 60% жилые корпуса (без перегородок, лестничных клеток, санитарных узлов) в кварталах строительства первой очереди. Таким образом, при норме в 3,5 м. может быть создан жилой фонд для 15500 человек». «Перевоспитание» архитекторов шло весьма успешно, за три года между конкурсными проектами и конкретными планировочными разработками пролегла пропасть жизненных реалий и государственной жилищной политики.

На проектирование и строительство капитального жилья в соцгородах новостройках серьезное влияние оказывал даже не столько недостаток материалов для строительства, сколько требование свыше об «исключительно экономном расходовании дефицитных строительных материалов». Так, в соцгороде Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) проектировщики предполагали осуществлять строительство жилых домов и объектов соцкультбыта с использованием железобетонной каркасной системы, и в 1930 г. сборные железобетонные конструкции уже начали применяться, но Постановлением Президиума ВСНХ СССР в ноябре 1930 г. категорически воспретило «*в целях достижения в строительстве всемерной экономии дефицитных стройматериалов*» применять профильное железо в жилых, культурно-бытовых и обслуживающих зданиях, а также проектировать и строить здания с железными и железобетонными каркасами и перекрытиями. В декабре этого же года последовало соответствующее указание ВАТО (Всесоюзное автотракторное объединение ВСНХ СССР) заменять железные и железобетонные конструкции более дешевыми и доступными материалами, в том числе кирпичом [20, л. 115].

В отношении соцгорода ЧТЗ эти указания вылились в требование возводить жилье исключительно из местных материалов и если и строить двухэтажные дома, то облегченной конструкции, с печным отоплением и наружным водопроводом (колонками), а также отменить запланированную в 1931 г. постройку некоторых объектов соцкультбыта (универмага, гостиницы, диспансера, общежития) [22, л. 20]. В том же году Совнарком РСФСР рекомендует жилищное строительство облегченного типа, осуществлять и в других соцгородах, например, в Магнитогорске. Правда, в отличие от соцгорода ЧТЗ, щитовые двухэтажные дома здесь рекомендуется возводить с водопроводом и канализацией [24, с. 225,226], но это не более, чем рекомендации, реальность от них сильно отличалась. Требование осуществлять строительство из местных материалов (например, необожженной глины) приводит к постановке перед проектировщиками Магнитогорска задачи застраивать внешние кварталы города глиняными или глиняно-деревянными домами, как следствие применения этого стройматериала, – высотой всего в два этажа [20, с. 105].

Основные объемы жилищного и культурно-бытового строительства в соцгородах осуществляют наркоматы, потому, что именно через них государство осуществляет финансирование и выделение материальных ресурсов. Так например, согласно статистическим данным по Челябинской области за 1930-е гг., основным застройщиком соцгородов является Народный Комиссариат Тяжелой Промышленности (НКТП) [21, л. 4-7], что соответствует его роли главного исполнителя планов индустриализации. Как следствие, в любом строящемся советском моногороде основная часть жилищного фонда находится в руках градообразующего предприятия – в Магнитогорске в 1930-е гг. ММК владел 63,5%

жилплощади, а еще 18% обладали другие заводы (итого, 81,5%)⁷.

Руководство наркоматов, самостоятельно осуществляя строительную политику в соцгородах, само определяет сколько возводить капитальных, а сколько временных сооружений. И строительство отдельных капитальных каменных зданий ведет, скорее, в угоду официальной идеологии с целью создания «наглядных примеров» «образцово-показательного» социалистического строительства.

Капитальное строительство выполняет также поощрительную функцию – «здесь живут передовики производства, получившие это право в награду за свой самоотверженный труд»: «... мы работали на домне. Здесь у нас сразу не заладилось. На комсомольском каупере работали комсомольцы. Они вступили с нами в соревнование, а мы об этом даже и не знали, пока они нам не поднесли сюрприз: проиграл, мол, ты ... Началась травля нашей бригады, сделали вызов. На завтра слет ударников и нас крыли во всю, прямо позором нас заклеили на митинге. Обещали какую-то телегу сделать и нас на этой телеге тянуть на буксире. Я обратился за помощью к «Рабочей газете». Она нам помогла, и мы на 5 и 6 каупере задание перевыполнили на 370 проц. Нас премировали жильем. Из барака переселили в каменный дом, дали по комнате» [33].

Капитальное строительство также осуществляется и для обеспечения существования такой важной для строительства промышленного предприятия части населения соцгорода, как технические специалисты среднего звена и руководители не самого высокого ранга. Рубленые деревянные или кирпичные дома для инженерно-технических работников и части иностранных специалистов с отдельными квартирами для индивидуального и покомнатно-посемейного заселения и высоким, с точки зрения остальной застройки, уровнем комфорта – обязательный элемент капитальных кварталов соцгородов 1920-х – 1930-х гг. Предоставляя этой части населения жилище подобного типа, руководство закрепляет за предприятием наиболее важных для него работников и предоставляет крупным административным и партийным функционерам возможность существовать в относительно комфортных условиях.

Подобные домостроения, как правило, формируют отдельную пространственную зону, как, например, так называемые «дома ИНОРСа» в Магнитогорске или квартал домов ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ. Квартал первых домов ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ (начало 1930-х гг.), выстроенный по типовым столичным проектам, имел восемь четырехэтажных кирпичных домов с трехкомнатными (около 63 – 77 кв. м) и четырехкомнатными (около 87 кв. м) квартирами, где были предусмотрены просторные прихожие, большие кухни (7–8,5 кв. м.), отдельные санузлы и ванна. На Уралмаше к ноябрю 1930 года было возведено несколько 4-х этажных кирпичных домов на улице Ильича. Новоселов осо-

⁷ Рассчитано Конышевой Е.В. по данным, приведенным в исследовании С. Коткина [31 с. 119].

бенно радовало редкое по тем временам центральное отопление и уж совсем большая редкость – ванны. В начале 1930-х годов улица Ильича считалась самой привилегированной – здесь жили руководители завода, районные власти, инженеры, иностранные специалисты (в основном из Германии).

В те времена кирпичную кладку стен умели вести только в летнее время и, как следствие, на строительство дома уходило около 2-х лет. Но с проблемой справились «по-новаторски» очень быстро – решили строить так называемые «каркасно-засыпные» дома. Каркас таких двух- и трехэтажных домов делался из толстого бруса, а стены – из двойных деревянных щитов, между которыми насыпались опилки и известь (чтобы опилки не гнили). Отопление было печным. В результате применения этой «технологии», очень быстро «каркасно-засыпными» домами застроили целые кварталы – часть улицы Молотова (40-летия Октября), всю улицу Индустрии, Стахановскую. Некоторые из таких домов имели даже настоящие русские печки. Их владельцам завидовали жильцы соседних домов.

Любой соцгород имел подобные кварталы и «статусное» структурирование жилья и территории, потому, что государство в лице соответствующего наркомата и управления промышленным строительством, являющегося, фактически, главным застройщиком, собственником и распределителем жилища в соцгороде, осуществляя политику кнута и пряника, сознательно использовало жилище, не только как средство прикрепления рабочей силы к месту труда, но и как знак социального статуса его обладателя [37].

Капитальное строительство в соцгородах было исключением. Оно несло в значительно большей степени поощрительно-пропагандистский смысл, нежели преследовало цели наделения основной массы населения комфортным жилищем. Государство, с помощью своих карательных органов, зорко следило за тем, чтобы руководство строек максимально сокращало «непроизводительные» затраты – направляло деньги, материальные и человеческие ресурсы на возведение производственных объектов, а не капитальных комфортных жилищ. И если кто-то из «красных директоров» неверно понимал установки партии, то его решительно «поправляли». Показательно письмо главы НКВД Р. Менжинского И. Сталину от 14 февраля 1931 г., в котором он высказывает свою обеспокоенность чрезмерным жилищным строительством, опережающим строительство стратегического тракторно-танкового завода: «Строительство Челябинского тракторного завода находится сейчас в следующем состоянии: ведется широкое жилищное строительство совершенно неувязанное со сроками вступления завода в эксплуатацию в то время как для строительства промышленных цехов произведены только подготовительные работы и ни один цех в течение года готов не будет...» [34, с. 261]. Прямым следствием обнаружения сотрудниками НКВД «враждебных происков» по строительству жилья, становятся аресты и расстрелы: «Кроме произведенных арестов из аппарата Управления строительством

вычищено 40 чел. и приняты меры к удалению со строительства остального негодного элемента» [34, с. 261]. А косвенным следствием – ряд указаний ВСНХ СССР и ВАТО по сокращению «гражданских» затрат в 1931 г.

Результат подобной «политики экономии» тут же сказывается на качестве строительства – по свидетельству Дж. Скотта даже в капитальном квартале № 1 соцгорода Магнитогорска «Отсутствие различных строительных материалов имело самые абсурдные последствия ... качество работ было очень плохим. Крыши, равно как и водопроводные трубы, текли. Фундаменты проседали, стены давали трещины» [43, с. 109].

Государство не собирается формировать комфортную капитальную среду обитания – все средства и все материальные ресурсы оно вкладывает в военно-промышленный комплекс (т.е. тяжелую промышленность). Причем, для него нет особого различия в «типах» трудовых ресурсов – и «свободных» (вольнонаемных), и «репрессированных» (заключенных) одинаково нужно принуждать к труду. И тем, и другим нужно платить, хотя бы самый минимум денег и выдавать хотя бы предельный минимум продуктов, чтобы не умерли с голоду. Так, спецпоселенцы, работающие на Магнитострое в 1934 г., получают среднюю зарплату 4,40 руб., в то время как по данным Дж. Скотта, средняя зарплата вольнонаемного строительного рабочего в 1935 г. составляет 5,50 руб. Условия труда и быта и тех, и других отличаются незначительно: «свободные» рабочие содержатся, фактически, в таких же жилищных условиях, что и «вредители»-спецпоселенцы – в землянках, общих бараках, бараках комнатного типа [23, с. 93]. И «жилплощади» на одного спецпоселенца (а их насчитывается 24 тыс. чел.) приходится примерно, столько же, сколько и на «вольняшек» – 1,88 кв. м. [23, с. 93].

Для государства, собственно, нет разницы между «свободным» и принудительным трудом – «рабсила» должна обеспечивать индустриальный рывок, и в этом ее единственное предназначение. И именно этим определяется катастрофическая ситуация с обеспеченностью жилищем, для исправления которой не прилагается почти никаких усилий. А бедственное положение с жильем прикрывается целенаправленной пропагандистской шумихой и подлинно жертвенным энтузиазмом некоторой части первостроителей, превосходящим, порой, человеческое воображение. Бригадир каменщиков Кузнецкого Металлургического комбината им. И.В.Сталина В.Я. Щидек, вспоминает: *«Когда мы кончали первую батарею в подарок XVI партийной конференции, то я в течение 4 дней не уходил с печи, домой не являлся. Подушкой для отдыха мне служила рельса, а чтобы было помягче, подкладывал брезентовые рукавицы. Как раз перед этим у меня заболела жена, и я ее отправил в Томск, а дома остались двое ребят, одному 3 года, другому 7 лет. И вот, на второй день после моего ухода младший сынишка заболел и скоропостижно помер. Я под производственным угаром забыл про ребятнишек. На пятый день прихожу домой и вижу - младший*

мой ребенок помер, а старший где-то ходит по площадке и ищет меня. Соседи также ходили и искали, но не нашли. А трупик начал уже пахнуть. Делать нечего, надо хоронить, а после пришлось хорошенько выпить. Пил за победу и пил за горе» [33].

Возводимые объемы жилого фонда прекрасно отражали приоритетную направленность строительства. Дефицит жилья был ужасающе огромен. С ним, практически не боролись, направляя все силы на выполнение производственных планов. В Магнитогорске на декабрь 1931 г. размер жилплощади составлял в среднем 2,3 кв. м. на одного человека, в 1932 г. – 2,5 кв.м., а к 1938 г. – 3 кв. м. [24, с. 249-250]. На «Кузнецкстрое» в 1932 году на одного работника приходилось 3,5 кв. м. жилья, в Сад-городе ситуация еще хуже – там было только 1,5-2 кв. м. на одного человека [33]. В соцгороде ЧТЗ в 1935 г., т.е. через несколько лет после начала строительства, только 40% работников завода имели жилье в постоянном фонде, а средний размер жилплощади составлял 4,6 кв. м. на чел. [21] В типологии жилищ, которыми застраиваются соцгорода-новостройки, здания каркасно-барачного типа и землянки вплоть до 1938 г. занимали ведущее место, составляя не меньше 67,2% от общего числа домостроений. Причем, все они в это время имели износ от 70 до 100% [24, с. 249-250].

Это не единичные примеры, это общая система, одинаково проявляющая себя во всех соцгородах-новостройках.

По способу обживания внутреннего пространства жилой фонд подразделялся на: индивидуальный, коммунальный, смешанный:

- индивидуальное жилище (коттеджи – 2%);
- коммунальное жилище – 90% (бараки, землянки и проч. – 75%; квартиры покомнатно-посемейного заселения – 15%);
- самострой – 8%.

«Смешанное» обитание относится к «самострою», который возводился, как отдельными семьями (проживавшими затем в нем индивидуально), так и объединениями родственников и друзей (которые потом жили совместно).

Советская жилищная политика противостоит праву людей иметь в частной собственности благоустроенное, капитальное жилище и прилегающий к нему участок земли. Она законодательно исключает возможность проживать в своем доме на своей земле [38]. В этих условиях совершенно необъяснимо появление в соцгородах-новостройках особой категории домостроений – отдельных коттеджей с земельными участками для одной семьи. Предназначаются они для заселения семьями высшего советского начальства и иностранными специалистами. Так например, в Магнитогорске в коттеджах проживало высшее руководство города и комбината, а также самые высокопоставленные из числа работавших по контракту высококвалифицированных иностранных рабочих и инженеров (из США, Германии, Англии, Италии и Австрии), которых всего на строительстве Магнитки всего насчитывалось более 777 человек [41]. Этот поселок именовался сначала «Американка» (т.к. предназначался для инже-

нерно-технического состава американской фирмы Мак-Ки, первоначально проектировавшей ММК), а потом, после отказа от услуг американского партнера, был переименован – в «Березки». (*Илл.11,12,13*).

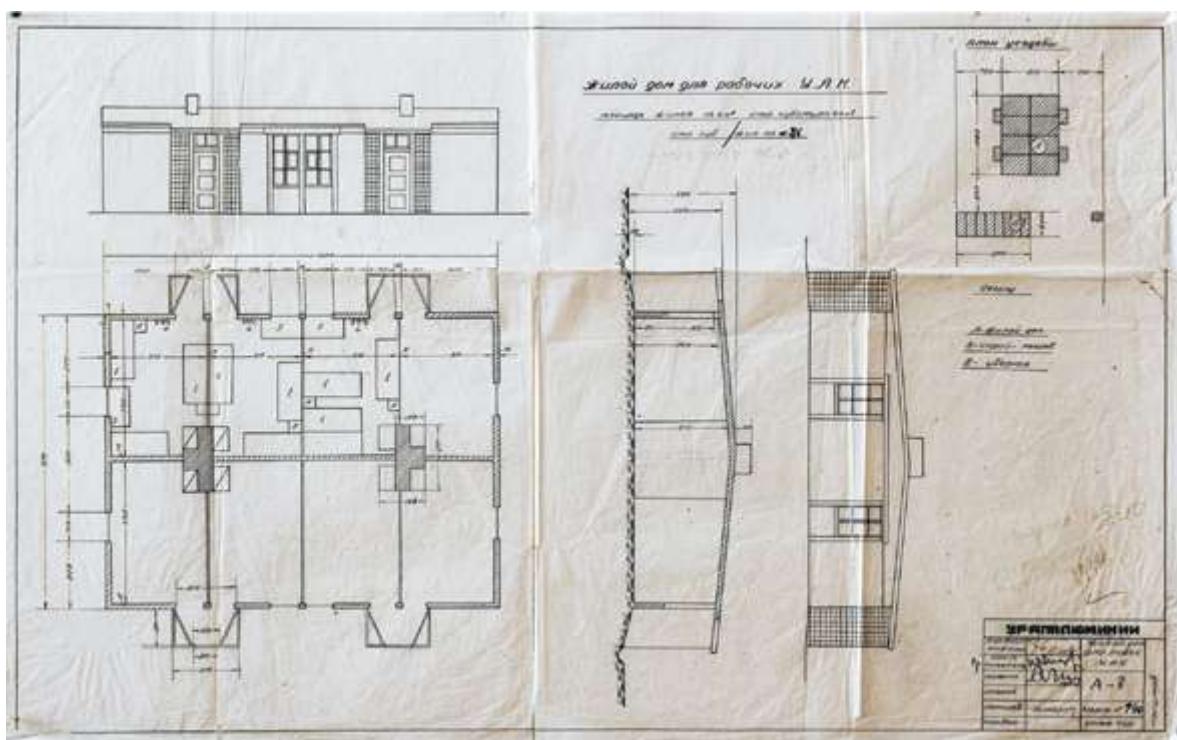
Подобное строительство для высшего руководства элитных обособленных групп отдельностоящих домов (с участками земли) есть в каждом соцгороде, на каждой крупной стройке пятилетки – на Кузнецкстрое (г. Новокузнецк) существует такой же обособленный поселок под названием «Верхняя колония» (*Илл.14,15*). Такие же обособленные поселки для высшего руководства возводятся в соцгородах: Чирчикстрой (*Илл.16,17*), Бобрики (с 1933 г. Сталиногорск), Орск; в соцпоселке Каменск (с 1940 г. Каменск-Уральский) и в др.

Например, в 1935 г. в юго-восточной части соцпоселка Каменск при Уральском алюминиевом заводе, обособленной группой возводятся несколько коттеджей для руководства завода (*Илл.21*). Коттеджи деревянные, облицованы досками, карнизы украшены стилизованными деревянными фризами. Коттеджи обладают полным комплектом благоустройства, что на фоне остальной застройки является большой роскошью. Потому, что прочие домостроения представляют собой неблагоустроенные дощато-камышитовые бараки и одно- и двух-этажные каркасно-камышитовые дома серии: А-8, А-18, А-24 (без кухонь и санузлов), предназначенные для покомнатно-посемейного заселения.

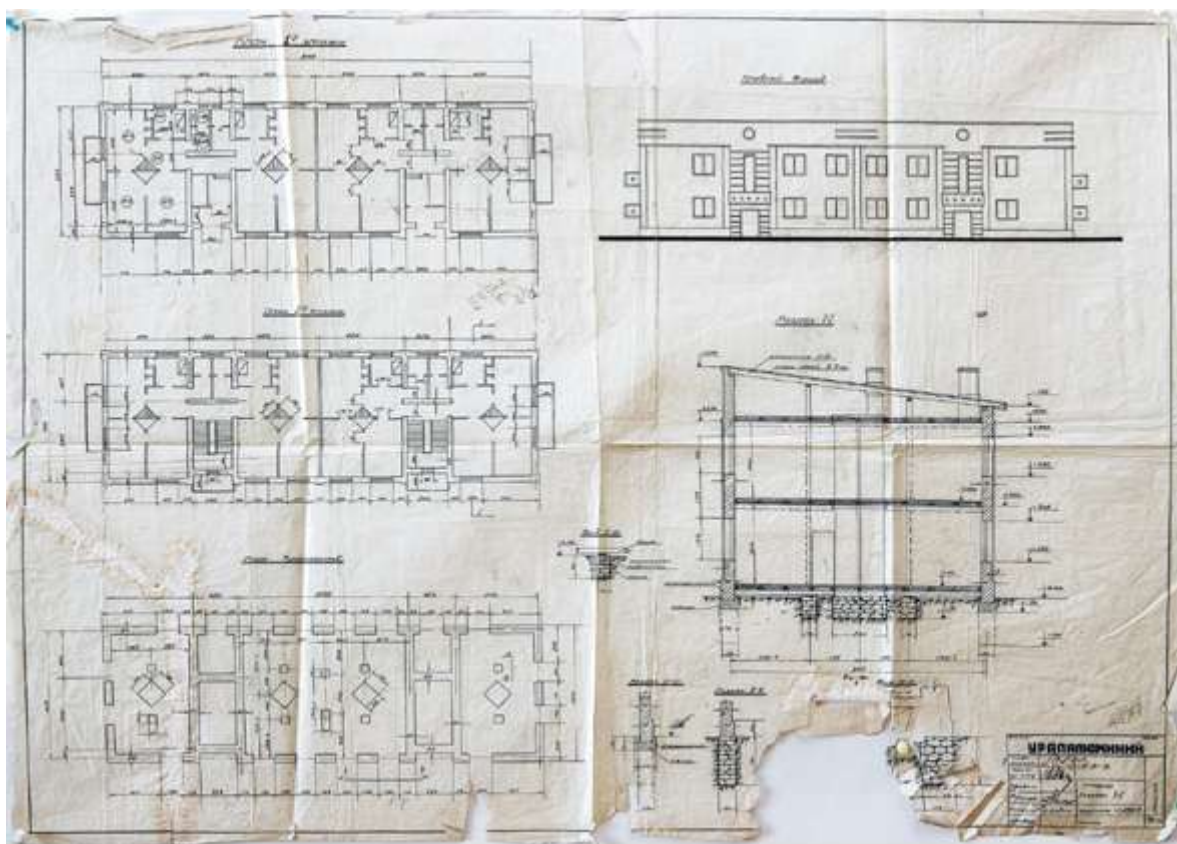

Илл. 21. Генплан Уральского Алюминиевого комбината и соцпоселка на 20000 жителей. "Монтажпроект-алюминий" г. Ленинград, 1934 г. (Музей УАЗ-СУАЛ). Источник: Гаврилова С.И. Архитектура 1930-х годов Крас-

Литера «А» обозначала принадлежность домов к Аллюминиевому комбинату, который и выступал застройщиком жилья для своих рабочих, а цифра указывала на количество квартир в доме. Каркасно-камышитовые дома серии А-8 были секционными, с печным отоплением. (Илл. 22). Кроме них в соцпоселке возводились брусково-каркасные и каменные восьмиквартирные секционные дома с печным отоплением, тоже без какого бы то ни было инженерного оборудования [27] (Илл. 23).

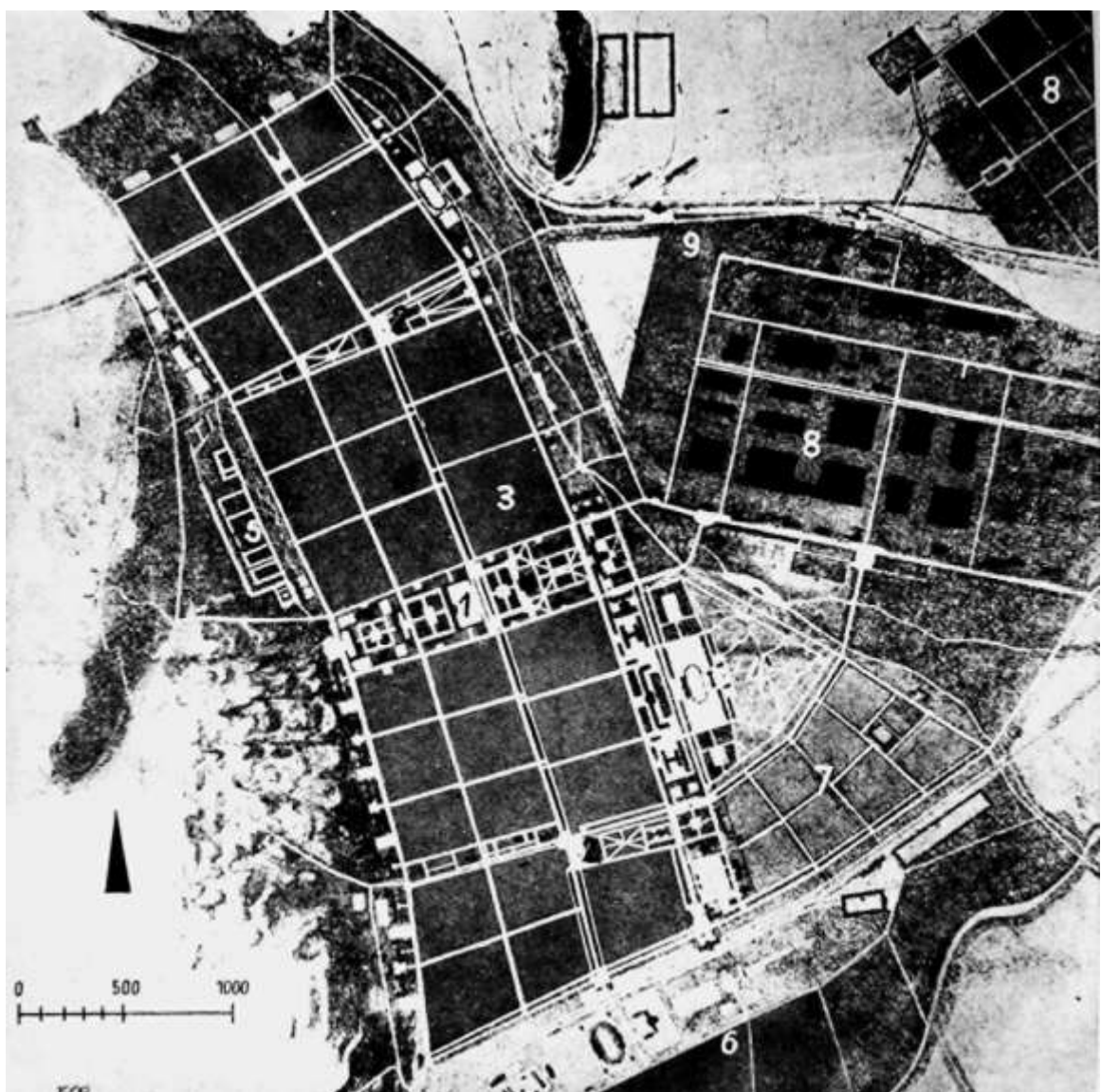

Илл.22. Проект каркасно-камышитового жилого дома А-8. «Уралалюминий» УАЗ, 1935-1940 гг.(Архив УАЗ-СУАЛ). Источник: Гаврилова С.И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского [Электронный ресурс] / С.И. Гаврилова //Архитектон: известия вузов.- 2009. -№3 (27). - Режим доступа:http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1

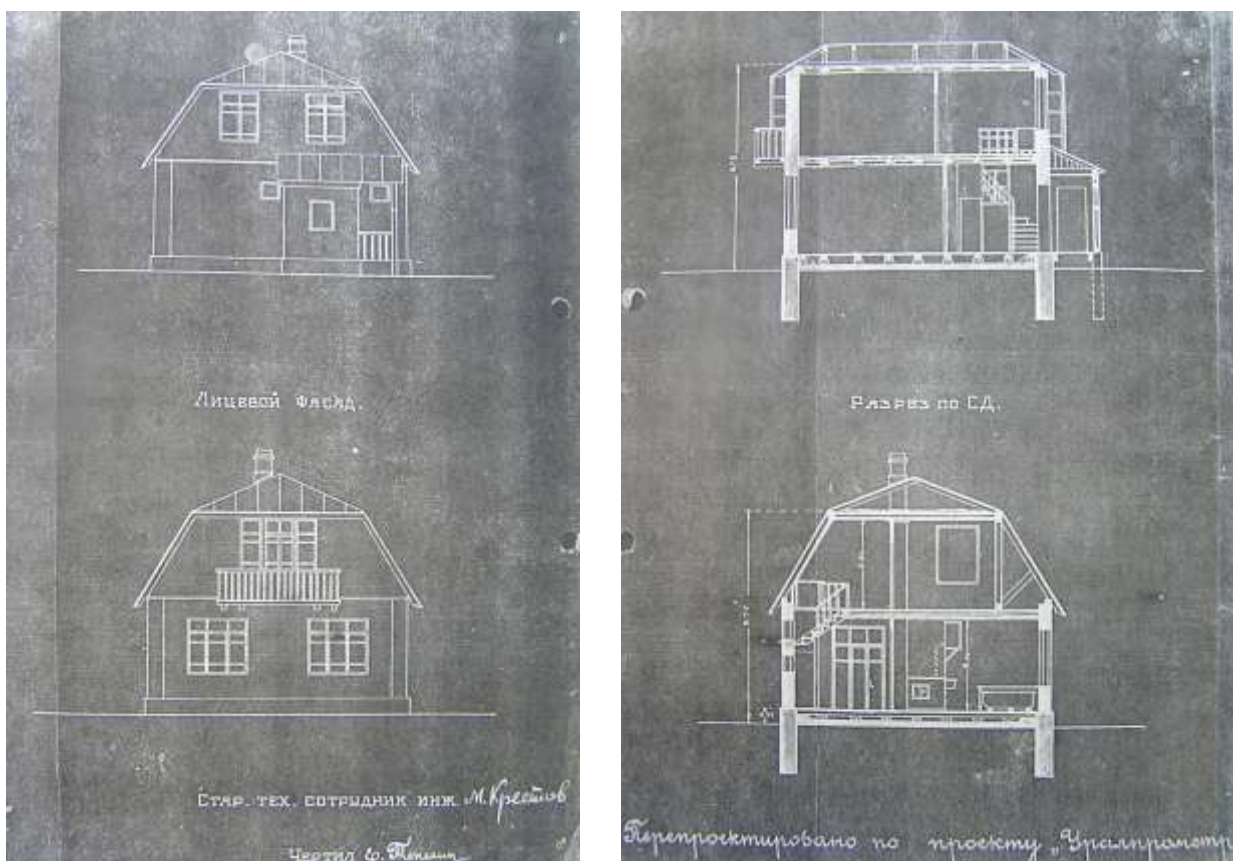

Илл.23. Проект брусково-каркасного жилого дома БК-8. "Уралалюминий" УАЗ, 1935 г. (Архив УАЗ-СУАЛ). Источник: Гаврилова С.И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского [Электронный ресурс] / С.И. Гаврилова //Архитектон: известия вузов. - 2009. -№3 (27). - Режим доступа:http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1

Подобная обособленная группа «небольших деревянных коттеджей по принципу американских ... для командного состава промышленности» строятся возводятся Бобриках [42, с. 262], На генплане Орска аналогичная группа блокированных индивидуальных домов обозначена, как «район односемейных домов». (Илл.24). Такая же есть и в Свердловске (Илл.25) и др.

Илл.24. Орск. Генеральный план. 1935. Проект. Горстройпроект. Арх. Х. Шмидт и др. 1. городской центр; 2. центры жилых районов; 3. первый жилой комплекс; 4. профессиональные школы и институты; 5. Больница; 6. парк культуры; 7. район односемейных домов; 8. промышленный район; 9. железнодорожный вокзал.
 Источник: Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. – С.265

Илл.25. Жилой дом коттеджного типа усадебной застройки в г. Свердловске. Переработанный проект «Уралпромстроя». Фасады.
Источник: Предоставил Л. Эррен

Эти зоны решались как «поселки-сады», и своей живописностью противостояли рационально распланированному пространству рабочих поселений. Так, коттеджный поселок из 16 домов для административно-технического персонала Бакальского стального завода в Челябинске (1934, Ленгорстройпроект, арх. Д.П. Гаузнер и др.) был запроектирован отдельно от города в сосновом бору, «по дуге, обращенной к реке, дающей живописное оформление внутри сада». В поселке предусматривались волейбольная и баскетбольная площадки и теннисный корт (!) [53, с. 21]. Поселок «Березки», разделенный на зоны секционных домов и коттеджей, размещен вокруг обширного общественного парка с тенистыми аллеями и цветниками. На участках коттеджей разбиты отдельные сады.

Условия жизни высших советских руководящих работников, проживавших в «Березках» были элитными в полном смысле этого слова. Дом в котором жил А.П. Завенягин⁸ – директор Магнитогорского металлургического комби-

⁸ Завенягин Авраамий Павлович – государственный деятель СССР, генерал-лейтенант. Родился в семье машиниста на станции Узловая. Член ВКП(б) с ноября 1917. В 1919–1920 – комиссар политотдела дивизии РККА. С 1920 на партийной работе на Украине. В 1921–1923 секретарь Юзовского окружного комитета ВКП(б). Окончил Московскую горную академию в 1930, Ректор Московского института стали МИСиС в 1930, в 1930–1931 возглавлял проект-

ната (ММК), даже на фоне других строений поселка выглядел настоящим дворцом: это был трехэтажный 14-комнатный коттедж, в котором размещались бильярдная, музыкальный салон, игровая для детей, кабинет. Позади дома находился небольшой олений заповедник, а перед домом – сад.

Советская архитектурная пропаганда все годы своего существования и во всех публикациях, посвященных архитектуре соцгорода Магнитогорска выдавала это элитное жилище за «массовое жилье для рабочих». Фотографии одноквартирных отдельностоящих домов для семей высшего городского и заводского начальства и иностранных специалистов в поселке «Березки» публиковались во множестве советских книг по истории архитектуры в качестве образцовых примеров малоэтажного индивидуального советского жилья для простых работяг. И даже фундаментальные научные исследования вещали: *«В поселке «Березки» его обитателям – металлургам Магнитки – предоставлены все бытовые удобства: здесь построены детский сад, детские ясли, школа, столовая, «Березки» удобно связаны трамвайным и автобусным сообщением с заводом. Поселок выглядит очень живописно. Несмотря на невысокое качество выполнения некоторых деталей (тяжелая каменная ограда и др.), архитектура и благоустройство поселка в целом вполне отвечают нашему представлению о пригороде нового, молодого промышленного центра и делают его безусловно положительным примером в практике советского малоэтажного строительства»* [48, с. 24].

Расписывая прелести элитного жилья, предназначенного, якобы, для трудящихся, а на самом деле, для «красных директоров» – генералов советской военно-промышленной индустриализации, архитектурная наука умалчивала о том, что советская жилая архитектура сталинского периода возникала в специфических условиях отсутствия важнейшей составляющей любого архитектурного произведения – того, что обычно называется «социальным заказом» и означает прямую и постоянную ориентацию производителей жизненных благ на интересы потребителей. В СССР распределение основных жизненных ресурсов осуществлялось централизованно из государственных фондов и по утверждаемым

ный институт в Ленинграде, затем работал в аппарате НКТП, в январе-августе 1933 руководил металлургическим заводом в Днепродзержинске. В 1933–1937 – директор Магнитогорского металлургического комбината. После непродолжительной работы в наркомате, в 1938 Завенягин возглавил Норильлаг – начатое в 1935 строительство Норильского горно-металлургического комбината. С марта 1941 по август 1951 Завенягин – первый заместитель наркома внутренних дел, осуществляющий общее руководство строительными подразделениями НКВД – Главным управлением лагерей горно-металлургических предприятий (в его состав входило Специальное металлургическое управление, в последующем 9 управление МВД), Главным управлением лагерей гидростроя (Главгидрострой), Главным управлением лагерей промышленного строительства (Главпромстрой – крупнейшее строительное подразделение СССР), Дальстроем и т. п. В 1945–1953 Завенягин – заместитель Л. П. Берии в советском атомном проекте.

нормам. В том числе и распределение жилища. Советское население снабжалось им точно также, как и продуктами питания, вещами, медицинским обслуживанием, пособиями по старости или заслугам, т.е. обеспечивалось по фиксированным квотам и в соответствии с местом, занимаемым конкретным человеком в служебной, должностной, партийной иерархии.

Этот процесс исключал свободу выбора и вида жилья, и места его расположения, и его «количества», и его «качества», т.е., фактически, исключал свободу «потребления жилища». Жилье в советский период не было «собственностью» в подлинном смысле этого слова. Жители богатых ведомственных домов или коттеджей, точно так же как и обитатели бараков или землянок, не имели права выбора жилища по собственному вкусу (или сообразно своему образу жизни) и не могли влиять на характер появляющейся архитектуры, определяя ее внутреннюю планировку или ее внешний вид. У высокопоставленных слоев населения в сталинском государстве было, безусловно, больше привилегий, чем у низших, но никак не больше гражданских прав. Их заселение в роскошные многокомнатные квартиры или отдельностоящие дома с гостиными, комнатами для прислуги, кухнями-столовыми, террасами также как и для всех остальных, всецело зависело от места в должностной иерархии или от воли начальства. Как, впрочем, и выселение из этих квартир – утративших связь с местом работы (по причине увольнения или ареста), с неизбежностью изгоняли из жилища.

Советская власть, создавая дома-коммуны и коммунальное жилище покомнатного-посемейного заселения, надеется, помимо других задач, возлагавшихся на эти типы жилья, сформировать производственные коллективы, включенность в которые препятствовала бы текучести рабочих кадров. Предполагается, что коллективы членов нового общества будут не только спаяны трудовой дисциплиной, но еще и связаны узами совместного проживания. Здесь трудовые и бытовые процессы должны составлять единый неразделимый комплекс человеческих отношений (подобный отношениям в традиционной крестьянской артели), где все на виду, где личностное поведение и действие корректируется и регулируется коллективом, где плохо работать нельзя и спрятаться от работы некуда, потому, что все те, кто вместе работают, живут тоже вместе. В них, за счет единства коллективно-трудовых и коллективно-бытовых отношений должна формироваться такая психологическая обстановка, в которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины, лодыри и разгильдяи чувствовали бы себя морально осужденными и изолированными в своей товарищеской среде и, наоборот, передовики производства получали бы дополнительные стимулы к трудовым подвигам благодаря всеобщему уважению, почитанию и восхищению. Эти коллективы должны являться «базовыми элементами» производительных сил нового общества. А коммунальное жилище, во всех своих проявлениях – бараки, общежития, рабочие казармы, гостиницы для совслужащих, зем-

лянки, палатки, коммунальные квартиры и т.п. – основным типом размещения контингентов строителей, заводских рабочих и трудящихся обслуживающих предприятий. Такова политика власти и даже архитекторы – авторы проектов построек «сталинского классицизма», фактически, никак не могут влиять на «содержание» жилой архитектуры. Они имеют право только варьировать элементами декора и внешней композицией фасадов зданий в рамках предписываемых на тот момент стилевых ограничений. Выбор не только типологии жилья и его стилистики, но и фундаментального содержания архитектуры – планировочной структуры квартир и домов, состава помещений, количества квадратных метров жилья, предназначавшихся человеку, градостроительные принципы формирования селитьбы, состав объектов обслуживания, уровень благоустройства и технического оборудования, лежат вне их компетенции. Все эти вопросы решаются центральными инстанциями и внедряются через нормативные предписания, а распространяются благодаря образцам, популяризируемым через архитектурную печать.

Жилище в руках советской власти, на протяжении всего периода ее существования, являлось главным средством регулирования поведением людей. Предоставление жилища, перераспределение жилища, изъятие жилища, силовое вселение в жилище и принудительное выселение из жилища – все это средства властного воздействия на человеческие массы, причем, очень эффективного воздействия, так как жилище является одной из основополагающих потребностей человека, особенно в суровых климатических условиях России.

Советская власть постоянно направляла свои усилия на то, чтобы связать воедино человека, место его работы и жилище; исключить, тем самым, неконтролируемые перемещения и текучесть, обеспечить единство коллективистских отношений в труде и в быту. Опыт первой пятилетки показал, что добровольные и «добровольно-вынужденные» миграции (в отличие от «добровольно-принудительных» «принудительных» и «репрессивных»), не гарантируют удержания людей на тех местах, куда они были перемещены. Задача быстрого формирования трудовых контингентов строителей и эксплуатационщиков новостроек первой пятилетки, требовала специальных мероприятий по удержанию их на местах размещения. Потому, что используя те малые крохи свободы, которые у людей еще оставались, они стремились всеми силами выскользнуть из-под тотального контроля над собой со стороны власти и, по возможности, уехать оттуда, где отсутствовали элементарные условия для нормальной жизни.

В начале 1930-х гг. руководство страной на государственном уровне создает средство, призванное бороться, одновременно, и с межгородскими перемещениями, и с текучестью кадров внутри города (т.е. с одного места работы на другое) – она вводит прописку. Связав воедино трудовые книжки, удостоверение личности (паспорт) приписку к месту проживания, власть формирует мощ-

ное средство выдавливания избытка населения существующих городов на стройки пятилетки и удержания трудовых ресурсов в городах-новостройках.

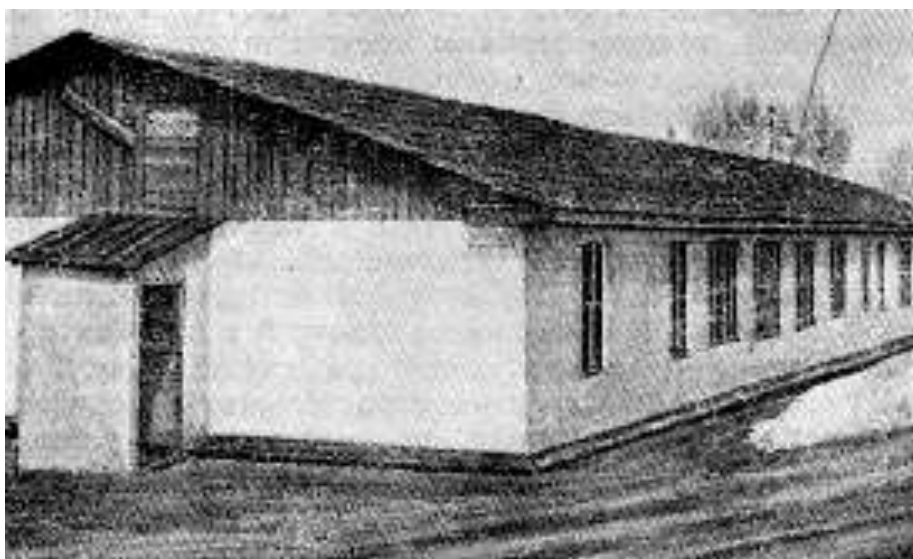
В результате введения прописки, население привязывается к селитьбе при производстве, причем в количестве, исключаящем избыток (либо недостаток) рабочей силы и, следовательно, конкуренцию, безработицу или недоукомплектованность рабочих мест. В постановлении ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» эта цель выражена прямым текстом: «В целях ... разгрузки ... населенных мест от лиц, не связанных с производством и ... не занятых общественно-полезным трудом ...» [11]. Позднее (с 1939 г.), население прикрепляется к месту работы, причем в форме, обеспечивающей не только учет количества рабочих и служащих, но и характер их отношения к трудовой деятельности – причины увольнения, переводы по службе, должностной рост, поощрения и награждения, связанные с работой на том или ином предприятии и проч. – власть вводит трудовые книжки [1].

Трудовая книжка к началу 1930-х гг. превращается для городского жителя в основной документ, обеспечивающий его социализацию – без нее нельзя работать, нельзя учиться, нельзя перейти с одного места работы на другое, нельзя прописаться.

* * *

Основным типом жилья в соцгородах – первенцах первых пятилеток, являются бараки. Этот тип массового жилища для рабочих, стыдливо замолчан советской архитектурной наукой, не описан, не изучен, исключен из официальной системы архитектурных и градостроительных знаний и из типологии массового жилища 1920-1930-х гг.

Хотя, вся история первых десятилетий советского градостроительства связана именно с этим типом домостроений. Так, в течение 1929 г. для размещения 6700 строителей Магнитогорска [28, с. 25] было возведено 52 барака (37 зимнего типа и 15 - летнего) [48, с. 41] (*Илл.26,27*). Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание (*Илл.28*). Вход в барак осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась.

Илл. 26. Первые бараки в Магнитогорске.
Источник: Предоставлено В.А. Токаревым

Илл.27. Строительство бараков в Магнитогорске к зиме 1929 г. (фотография датирована 30 августа 1929 г.).
Источник: Предоставлено В.А.Токаревым

Илл.28. Летний барак в Кузнецкстрое, 1929 год.

Источник: Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929 - 1945). [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html

Барачные городки соцгородов-новостроек состояли из нескольких участков, фактически, «кварталов», имевших свои номера (*Илл. 29*). Они и возводились на месте запроектированных кварталов капитальной (каменной, деревянной) застройки.

Илл.29. Соцгородок Кузнецкстроя. Кварталы бараков и каменных 3-х этажных домов

Источник: Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929 - 1945). [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html

Так, житель Л.Николаев вспоминал, что барачные поселки Магнитогорска делились на крупные участки, имевшие номера с 1 по 14. (Илл.30). Первый участок был «элитным». Он располагался юго-западнее городского парка Металлургов, стадиона и проспекта Пушкина и простирался до клуба Железнодорожного транспорта. Элитным он считался потому, что в нём размещались городские магазины, нарсуд, кинотеатр «Магнит», открывшийся в августе 1932 года. К югу от 1-го участка находился 13, а за ним 11 участки. Самым крупным участком был пятый, который расположился севернее будущего проспекта Пушкина [48, с. 45].

Бараки были основным типом жилья в соцгородах. Подлинно массовым типом. Так например, в Нижний Тагиле на 1 мая 1933 г. из возведенных 51268 кв. м. жилплощади – 44294 (86%) это бараки.

Илл.30. Магнитогорские бараки.

Источник: Предоставлено В.А.Токаревым

«Бараки, как правило, устанавливались параллельно на расстоянии 30-50 метров друг от друга. В пространстве между бараками часто устанавливались вспомогательные деревянные строения, которые назывались «будками». В них жители хранили дрова и уголь, позднее разводили птицу и даже коров ... Барак имел чердачное пространство. Учитывая, что на строительство металлургического завода в основном приезжали мужчины, в бараках для них устраивались большие комнаты по 15-20 человек в каждой». Бараки заселялись отдельно, по половому признаку – либо не женатыми мужчинами, либо незамужними женщинами.

Баракы были одним из наилучших видов жилья в соцгородах. Те, кто не попадал в число счастливых – включенных в число очередников на получение места в бараке-общежитии, вынуждены были решать свои жилищные проблемы самостоятельно» [48, с. 46] (Илл.31,32).

Илл.31. Барачные поселки вокруг Магнитогорского металлургического комбината
Источник: предоставлено В.А.Токаревым

Илл.32. Дощатые бараки.
Источник: Предоставлено И.В.Захаровой

Так, в 1929 г. большая часть из 6700 рабочих Магнитогорска, мест в бараках не имела и они вынуждены были жить либо в палатках, либо в самостоятельно возведенных жилищах. Через год – осенью 1930 г. в Магнитогорске насчитывалось уже 19 тысяч рабочих [48, с. 28], но ситуация с обеспеченностью жилищем никак не улучшилась, а лишь обострилась. Не слишком изменилась она и в последующие годы – люди, лишенные какого бы то ни было жилья,

были вынуждены самостоятельно мастерить балаганы, шатры [28, с. 28], полуземлянки, землянки.

Балаганы и шатры мастерились из подручного материала как временные (летние) прибежища, практически на всех стройках (Илл.33,34).

Илл.33. Семья грабаря-землекопа на Кузнецкстрое. На заднем плане летнее жилище.

Источник: Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929 - 1945). [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html

Илл.34. Жилой лагерь казахов – рабочих Орского Локомотивстроя. 1934 г.

Источник: Архив Баухауза (Германия).

«Полуземлянки» возводились, как правило, в местах бедных лесом. Полуземлянка имела две части: нижнюю часть (которая снаружи присыпалась грунтом и, тем самым, оказываясь под землей, лучше сохраняла тепло) и верхнюю. И верхняя и нижняя делались из щитов, которые плелись из прибрежного ивняка какой-нибудь близлежащей реки. Эти щиты устанавливались на деревянных каркасах, а пространство между ними забивалось глиной (ее добывали и зимой из-под полутора-, двух-, двух с половиной метрового слоя промерзшего грунта). Если леса было мало, то его очень экономили и шел он лишь на изготовление каркаса и пологих крыш. Поверху на крыши укладывался толь, затем шлак, на него слой мелко утрамбованной земли и дерн [49].

«Магнитогорец Н. Яловой вспоминает, что в 1935 году его отец построил землянку № 57 в поселке 8-го Марта, который среди жителей назывался Малый Шанхай. Эта землянка, как и все другие, представляла собой домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам – толь, а сверху слой глины, на который ветром наносилась земляная пыль и росла летом трава. Землянки были неотъемлемой спутницей всех соцгородов-новостроек. Так, по свидетельству Алексеева в период 1930-1931 гг. очень много их было и на строительстве соцгорода Бобрики. Последние из них, как зафиксировала газета «Сталиногорский пролетарий», были снесены лишь в июне 1934 г. [42, с. 249] (*Илл.35,36*).

Илл.35. Землянки в соцгороде Магнитогорске.

Источник: Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. – С.253.

Илл. 36. Землянки в соцгороде Магнитогорске.
Источник: Предоставлено В.А. Токаревым

Поселок Малый Шанхай был расположен между 5-м участком и Ежовкой в небольшой низине, по которой протекал желтый от глины ручей, где купались дети. ... С запада от доменного поселка вдоль трамвайной линии и шоссейной дороги расположились бараки исправительно-трудовой колонии и землянки рабочих деревообрабатывающего комбината, которые, возможно, и организовывали участок № 1. ... За ним в северном направлении находились землянки Тукового поселка» [48, с. 47].

Труженики Магнитки и других соцгородов, которые создавали семью и демонстрировали положительные результаты в труде и активность в советско-партийной общественной деятельности, имели шанс получить отдельное изолированное помещение в семейных бараках аналогичной конструкции, что и для холостых рабочих. Эти комнаты были площадью по 12-15 кв.м. В каждом бараке было 30-36 таких комнат. «При наличии в семье детей родители устанавливали над входной дверью антресоль (палата) для игр и сна, площадью до 5 кв.м. В комнатах справа или слева от входной двери размещалась каменная или кирпичная печь для обогрева помещения и для приготовления пищи, которую выкладывали сами жители. Печь топилась со стороны коридора. Часто жители в комнатах под полом устраивали погреба для хранения продуктов. Напротив входа в наружной стене устраивалось небольшое остекленное окно, рамы которого, как и сегодня, на зиму заклеивались полосками газет, чтобы снизить чрезмерное продувание комнаты холодным воздухом через щели в рамах окна и в

дверях. Вдоль одной стены комнаты размещалась железная кровать, которая часто вместо сетки имела дощатый настил. Двери не имели запоров, поэтому комнаты оставались не запертыми и неработающие женщины (больные, беременные) всегда присматривали за детьми.

В каждом бараке, в одной из комнат площадью до 30 кв.м., размещался красный уголок, где стояло несколько столов и стулья, на стенах висели портреты Сталина и пролетарских вождей, а также награды коллектива барака в соревнованиях за лучшую жизнь. Здесь же часто находилась барачная библиотечка, и дети имели свободный доступ к книгам. Многие дети выполняли свои домашние задания в этом помещении. Здесь же играли малыши. Вечерами в помещении красного уголка неграмотные жители учились грамоте. В одной из комнат барака, чаще всего около основной входной двери, проживала семья барачного милиционера, хотя барачным коллективом выбирался и «старший» барак [48, с. 49-50].

Баракы, как общежития для холостых и семейных строились без кухонь. Питались рабочие «в специально оборудованных столовых, которые устраивались в таких же бараках (*Илл.37,38*). При входе в барак проверялись карточки, и каждому выдавалась деревянная ложка. Рабочие питались за длинными деревянными столами. За спинами обедающих стояли их товарищи, которые ожидали своей очереди» [48, с. 49]. Туалеты в бараках отсутствовали: «туалеты с выгребными ямами размещались в дощатых побелённых строениях вне бараков, рядом с ящиками для мусора и отходов» [48, с. 50].

Илл.37. Столовая на строительстве плотины № 1 в соцгороде Магнитогорске.
Источник: предоставлено В.А. Токаревым

Илл. 38. Соцгород Магнитогорск. Барачный поселок 1931 г. Здание, перпендикулярное баракам – столовая.
Источник: // USSR im bau. 1932. № 1

Дома-коммуны мало чем отличались от бараков. И те, и другие были коридорной планировочной схемы. Различие заключалось лишь в степени капитальности и этажности – бараки были исключительно одноэтажными; дома-коммуны – 2-х этажными.

Палатки, обычно, упоминаются лишь как кратковременное жилище. Но в действительности палаточный лагерь у горы Магнитной существовал, не только в 1929 г., и не только в летние месяцы (*Илл.39,40*). Существовал он и в последующие годы.

Илл. 39. Палаточный лагерь строителей Магнитогорского металлургического комбината. Фото. начало 1930-х гг.

Источник: // USSR im bau. 1932. № 1.

Илл.40. Палаточный лагерь строителей Магнитогорского металлургического комбината. Фото. начало 1930-х гг.

Источник: // USSR im bau. 1932. № 1.

Так, и в 1930-е гг. брезентовые палатки устанавливали на Магнитострое в летний период для обеспечения жильем вновь прибывающих рабочих. Однако даже палаток часто не хватало. Так, собкор «Комсомольской правды» С.Д. Нариньяни жил три месяца в стоге сена [39, с. 6].

Архивные данные свидетельствуют о том, что выписать брезент для изготовления палаток было очень не просто – военные ведомства, по линии снабжения которых он шел, не желали с ним расставаться. Начальник Магнитостроя Я.П. Шмидт неоднократно направлял запросы в Совет труда и обороны СССР с требованием обеспечить строительство необходимым для палаток брезентом *«ввиду того, что рабочим приходится ночевать под открытым небом из-за отсутствия помещений. Необходимо обеспечить 11 тыс. чел.»*⁹. Но Военно-морской наркомат постоянно отвечал, что не имеет возможности отпустить необходимое количество палаток¹⁰.

Существовали палатки и круглогодично. Такие палатки именовались «чингизками». Свое название «чингизки» получили от имени их «изобретателя» – заместителя начальника Магнитостроя Чингиза Ильдрыма. Изобретение заключалось в том, что стены брезентовой палатки покрывали досками, а между ними засыпали землю, настилали пол, устанавливали печь. Довольно часто такие строения покрывали кошмой¹¹. Они, худо-бедно, но держали тепло. Именно «чингизками» были заменены к ноябрю 1929 г. брезентовые палатки в Магнитогорске. В Магнитогорске они просуществовали вплоть до 1933 г.

Примерно также сооружались засыпные бараки. Разница состояла в том, что между деревянной дощатой стеной и засыпкой слоем земли, толщиной, примерно, в 40-50 см. прокладывался толь, предотвращающий деревянные стены от гниения (*Илл. 41,42,43*).

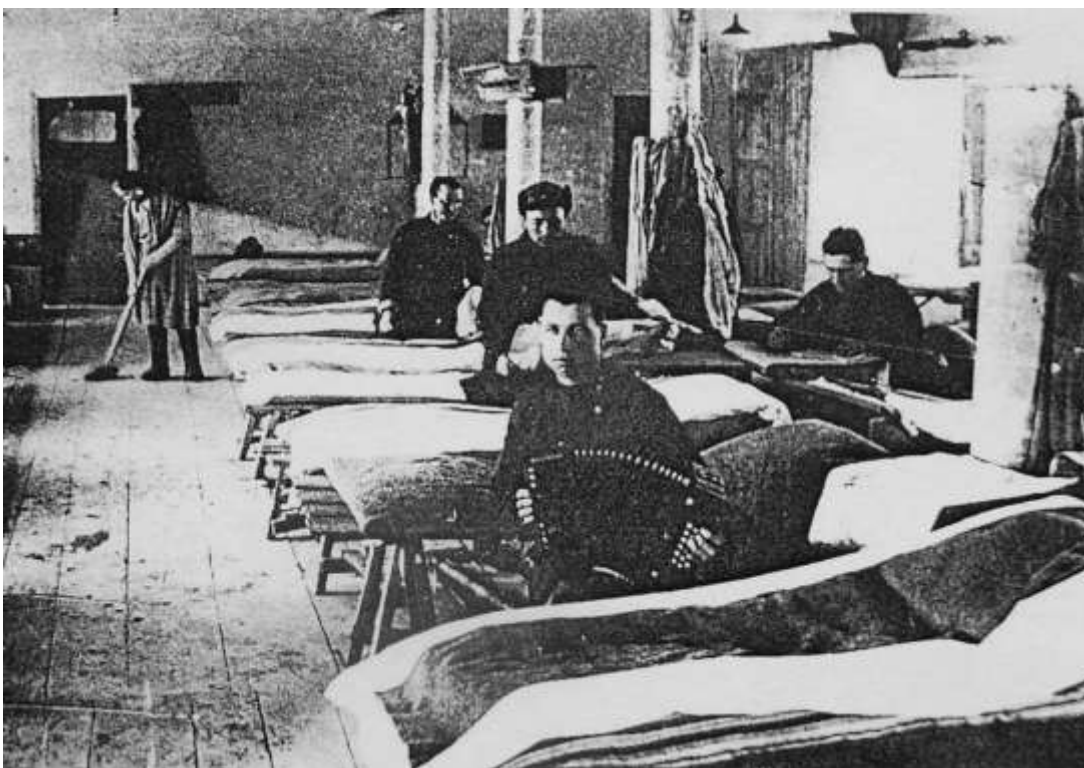
⁹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 17; МУ МКМ. № 5243/11/4. № 105233. (Цит. по Макарова Н.Н. «Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929-1935 гг.». Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Магнитогорск. 2010. С.64-65.)

¹⁰ МУ МКМ. № 5243/4/7. № 123416. (Цит. по Макарова Н.Н. Указ. соч. С.64-65).

¹¹ Магнитогорск: 1929 - 2009. Фотолетопись. 80-летию Магнитогорска посвящается. - Магнитогорск, 2009. С. 39. (Цит. по Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 64-65).

Илл.41. Засыпные бараки.
Источник: Предоставлено И.В.Захаровой

Илл.42. Соцгород Магнитогорск. Бараки. Интерьер.
Источник: Источник: Меерович М.Г. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. С. 145-146.

Илл.43. Соцгород Магнитогорск. Бараки. Интерьер.

Источник: Меерович М.Г. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. С. 145-146.

Однако полную ясность в вопрос о количестве палаток и «чингизок», как «временно-постоянного» типа жилища, а также о круглогодичном характере их эксплуатации, сегодня внести довольно сложно, так как свидетельства очевидцев сбивчивы, а архивные данные и сведения периодической печати значительно разнятся. Например, в сентябре 1930 г. газеты сообщали, что около 2000 рабочих будут по-прежнему жить в палатках¹². Есть свидетельства о том, что и в следующем 1931 г. приблизительно 1350 рабочих коксохимического завода продолжали обитать в палатках¹³. Исследователи И.В. Антипова и М.И. Школьник указывают на то, что летом 1931 г. более 10 000 человек проживали в палатках. Воспоминания, собранные редакцией серии «Истории фабрик и заводов», свидетельствуют о том, что рабочие ряда цехов металлургического завода проживали в палатках в течении всего 1931 г. Начальник конторы Теплостроя Андрияшкин вспоминал: «... бытовые условия были очень скверные.

¹² Цит. по Макарова Н.Н. [36, с. 64-65].

¹³ ГАРФ. Ф. Р-7592. Оп. 5. Д. 304. Л. 11; Магнитогорский комсомолец. 1931. 16 октября (Цит. по Макарова Н.Н. [36, с. 64-65]).

Лучшие кадры печников мы старались сохранить, они жили в бараке, остальные находились в палатках. У нас был только один барак, а на домне работало 1600 человек, можете себе представить наши бытовые условия...»¹⁴.

Следует упомянуть и о юртах. В Магнитогорске в них обитали киргизы, которые были привезены как неквалифицированная рабочая сила для выполнения земляных, погрузочных и прочих работ. Нидерландский архитектор Й. Нигеман, работавший в Магнитогорске в 1931 – 1936 гг., потрясенно писал о том, как эти «новые жители» соцгорода разбивали свои войлочные шатры – юрты, которые были им доступнее и гораздо привычнее для жизни, непосредственно между многоэтажными каменными домами. Й. Нигеман поражался собственной наивности и неправильности своих представлений о тех, для кого он проектировал жилье [52, с. 81].

* * *

Сознательно закрепляя за новыми крупными индустриальными центрами – соцгородами, роль опорных узлов единого общегосударственного производственно-распределительного каркаса и присваивая им функцию центров территориальной организации населения, советская власть, таким образом, выстраивала систему партийно-административного управления, рассматривая ее, как важнейший атрибут государственности.

В этой системе расселение выступало исключительно как «производная» от стратегии создания эшелонов военно-промышленных предприятий. Исполняя постановления высших органов власти о формировании современного военно-промышленного комплекса, собственно, и именуемого «индустриализацией», Госплан выявлял производственно-экономический и ресурсный потенциал неосвоенных регионов и их транспортно-энергетические возможности для разработки природных ископаемых и переработки для целей, прежде всего, тяжелой промышленности. Определял количество предприятий военно-промышленного профиля; намечал места их расположения таким образом, чтобы сделать объекты советского ВПК недоступными для воздушных ударов авиацией любого из вероятных противников (удаляя их на такое расстояние, чтобы вражеские бомбардировщики не могли без дозаправки осуществить перелет до цели и вернуться обратно на аэродромы базирования); устанавливал потребность новых промышленных ареалов в трудовых ресурсах (что только в первую пятилетку составило около 10 млн. новых рабочих рук); разрабатывал планы формирования потребных трудовых ресурсов за счет массовой коллективизации, депортации лишенцев и безработных, плановых перемещений военно-обязанных и поселенцев, массовых репрессий и т.д.

«Урбанизированность» опорных узлов системы расселения СССР обеспечивалась за счет того, что население насильно удерживалось в местах обитания,

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 304. Л. 18 об. (Цит. по Макарова Н.Н. [36, с. 64-65]).

привязывалось к производству широким спектром средств – пропиской, трудовыми книжками, запретом на самовольный уход с работы, запретом на самовольный переезд, распределением и закреплением молодых специалистов и квалифицированных кадров, ограничением зоны проживания после отбытия срока заключения и проч. А также, одним из самых мощных средств – дефицитом жилья.

Власть всеми силами стремилась исключить естественные миграции и, напротив, активно инициировала искусственные плановые целевые перемещения трудовых ресурсов на ударные стройки. А населенные пункты превращала в эффективный механизм добровольно-принудительного прикрепления населения к местам трудоустройства. В результате осуществления планов «ускоренной индустриализации», принятых под давлением И. Сталина в 1929 г., городское население за первую пятилетку увеличилось даже не на 10 млн. чел., как это планировалось, а на 13,9 миллионов человек.

Это была насильственная урбанизация, основанная на искусственно ускоренном росте псевдогородского населения за счет принудительного переброса в старые города и соцгорода-новостройки раскрестьяненного деревенского населения и принудительном перебрасывании крупных контингентов трудовых ресурсов из существующих городов на индустриально осваиваемые территории. Население соцгородов-новостроек, в основном, составляли крестьяне, оторванные от привычного образа жизни; лишенцы, выселенные с прежнего места обитания; «социально-чуждые» элементы, выдвинутые из существующих городов; отбывшие наказание репрессированные, оставшиеся на постоянное жительство рядом с бывшими зонами; кочевые народы, принужденные к оседлому образу жизни; бывшие спецпереселенцы и трудопоселенцы, которым после освобождения некуда было податься и т.п.

Советское градостроительство призвано было материализовать в конкретной структуре обитаемого пространства, постулаты трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны. Планировочное членение селитьбы на барачные поселки, скомпонованные в «кварталы» и «районы», обеспечивало территориальное упорядочивание населения, руководимого и контролируемого территориальными партийными органами и заводскими парткомитетами, облегчало руководство трудовыми и управление бытовыми процессами, позволяло вести точный учет количества и «качества» обитателей населенных пунктов, упрощало привлечение к отбытию трудовой обязанности или призыв на военную службу.

Типология ведомственного жилища, возводимого в соцгородах-новостройках, была, с одной стороны, закономерной формой воплощения государственной доктрины превращения страны в единый лагерь принудительных работ; с другой, результатом финансирования жилищного строительства через производственные предприятия и учреждения; с третьей – следствием форми-

рования персональной ответственности «красных директоров» за вверенный им фрагмент общегосударственной производственной цепочки, в котором наличие крыши над головой выступало средством привязки людей к месту работы и управления их трудовым поведением.

При таком подходе, вопросы формирования благоприятной среды жизнедеятельности не просто отходили на второй план, а вообще не ставились и только лишь идеологически провозглашались.

Литература

Постановления:

1. «О введении трудовых книжек» – Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 662-664. Постановление СНК СССР «О введении трудовых книжек» было принято от 20 декабря 1938 г., но в действие трудовые книжки вводились данным постановлением лишь с 15 января 1939 г.

2. «О государственных трудовых резервах СССР» – Указ президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. с. 774-775., С. 775) (см. также: СЗ СССР. 1940. Отдел первый. № 16. ст. 385).

3. «О мероприятиях по упорядочиванию временного и постоянного расселения высланных кулацких семей». Постановление СНК РСФСР от 10 апреля 1930 г. / Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 г. / Сост. С.А.Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. – Новосибирск: ВО Наука. Сибирская издательская фирма. 1992. – 283 с., С. 28-30.

4. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. (Там же. С. 20).

5. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области». Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. (Там же. С. 33-34).

6. «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации». Постановление коллегии Наркомзема РСФСР (Там же. С. 27-28).

7. «О порядке обязательного перевода инженеров техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие» – Указ президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Указ. соч. С. 777-779.

8. «Об образовании главного управления трудовых резервов при Совнарком СССР» - Постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 776-777; «О государственных трудовых резервах СССР» – Указ президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. с. 774-775).

9. Секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4 февраля «ЦИКАм и Совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам о мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества». (/ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Указ. соч. С. 21-25).

10. СУ РСФСР. 1926. № 35. ст. 282.

11. СУ РСФСР. 1932. Отдел первый. № 84. Ст. 516.

Архивные документы:

12. ГАРФ, Ф. А-314, Оп. 1, Д. 8001. 22 л. Материалы и дела по планировке городов и поселков. II. Планировка рабочих поселков. Дело о планировке поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19. март 1931 - сентябрь 1931. Протокол № 56 заседания Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г.

13. ГАРФ, Ф. А-314, Оп. 1, Д. 7667. 216 л. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. ноябрь 1930 – дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов от 21 сентября 1930 г. л. 109-118.

14. ГАРФ, Ф. А-314, Оп. 1, Д. 7667. 216 л. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. ноябрь 1930 – дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Протокол расширенного заседания по г. Магнитогорску с участием комиссии Гипрогора и архитектора Э. Мая от 3 ноября 1930 г. л. 1-3.

15. ГАРФ, Ф. А-314, Оп. 1, Д. 7667. 216 л. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. ноябрь 1930 – дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска от 14 февраля 1931 г. л. 99-108.

16. Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9, оп. 1, ед. хр. 16. Пояснительная записка к генеральному плану застройки Магнитогорска.

17. Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9, оп. 1, ед. хр. 16, л. 7. О наличии жилплощади в г. Магнитогорске на декабрь 1931 г.; л. 78. Доклад ВСНХ при ЦИК СССР;

18. ОГАЧО. Ф. 804, оп. 1, ед. хр. 29, л. 24–27. Из докладной записки бригады Центральной контрольной комиссии и РКИ Президиуму ЦКК, коллегии ЦК РКИ СССР об обследовании Челябинского ферросплавного завода.

19. ОГАЧО. Ф. 98, оп. 1, ед. хр. 3234, л. 91–92. Из циркуляра Уральского областного отдела труда райколхозсоюзам и райуполномоченным по труду Челябинского округа об обеспечении промышленности рабочей силой.

20. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 8. Переписка Управления Челябтракторостроя с Московским представительством ЧТС о проектировании рабочего поселка и культурно-бытовых предприятий ЧТЗ 06.01. – 19.09.1930.

21. ОГАЧО. Ф. 804, оп. 1, ед. хр. 749.

22. ОГАЧО. Ф. 792, Оп. 5, Ед. хр. 480.

Сборники исторических документов:

23. Челябинская область. Сборник документов и материалов. – Челябинск: ЮУКИ, 1999.

24. Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929 – 1941 гг.). Сборник документов и материалов Сборник документов и материалов. (Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облисполкома) Челябинск, Южно-Уральское кн. Изд. 1965.

25. История Магнитостроя. Хроника в лицах и фактах. – Магнитогорск, 1999.

Научная и публицистическая литература:

26. Были индустриальные. (Очерки и воспоминания). М.: Политиздат. 1979. - 408 с.

27. Гаврилова С.И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского [Электронный ресурс] / С.И. Гаврилова //Архитектон: известия вузов.- 2009.- №3(27). - Режим доступа:http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1.
28. Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В.И.Ленина. - М.: Мысль, 1978.
29. Земляной С. Н. Невидимая рука Учраспреда - [электронный ресурс] 2009. 0,6 п.л. – режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/2/2004_2_31-pr.html – на русс. яз.
30. Земсков В.Н. Судьба кулацкой ссылки (1930-1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. с. 118-147.
31. Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. - М., 2001.
32. Красильников С.А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН). 2003.
33. Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929 - 1945) [электронный ресурс] 2010. 1 п.л. – режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html#cutid1 – на рус. яз.
34. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 - декабрь 1936. Серия: Россия XX век. Документы, М., 2003.
35. Магнитогорск: 1929 - 2009. Фотолетопись. 80-летию Магнитогорска посвящается. - Магнитогорск, 2009.
36. Макарова Н.Н. указывает: «Термин «спецпереселенцы» использовался до 1934 г. Позже в 1934-1944 гг. их именовали трудпоселенцами, а с марта 1944 – вновь спецпереселенцами» (Макарова Н.Н. «Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929-1935 гг.». Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Магнитогорск. 2010).
37. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы) – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. – 303 с. – (История сталинизма).
38. Меерович М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.): Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Иркутск, 2004 – 659 с.
39. Нариньяни С.Д. Ты помнишь, товарищ...: Очерки о комсомольцах. - М., 1957.
40. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. – 270 с.
41. Рубченко М. Ура, у них депрессия! («Эксперт» №1 (687) / 28 декабря 2009) [электронный ресурс] 2009. 0,5 п.л. – режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/ura_u_nih_depressiya/– на рус. яз.
42. Селиванова А.Н. Бобрики-Сталиногорск-Новомосковск: модель перехода от концепции соцгорода к сталинскому городу-ансамблю // Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л.Косенкова. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 384 с.
43. Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., 1991.
44. СССР как Мегапроект. Числовые регулятивы искусственного формирования населения соцгородов [электронный ресурс] 2008. 0,6 п.л. – режим доступа: http://archi.ru/lib/publications_virtual.html?fl=5&sl=3 (22 ноября 2008 г.).
45. Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / Составители О.В.Хлевнюк, Р.У.Дэвис, Л.П.Кошелева, Э.А.Рис, Л.А.Роговая М. РОСПЭН. 2001 – 800 с.

46. Тогулев В. «Вы поели наших баранов, за это мы съедем ваших детей!». Каннибализм в Кемерове в 1930-е годы. [электронный ресурс] 2003. 0,5 п.л. – режим доступа: http://www.kuzbasshistory.narod.ru/Ist_Pub/Text/20_30/Kannib_30.html– на рус. яз.

47. Федосихин В.С., Хорошанский В.В. Магнитогорск – классика Советской Социалистической архитектуры. 1918-1991 гг. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И.Носова. 1999. – 168 с.

48. Шасс Ю. «Архитектура жилого дома. Поселковое строительство 1918-1948», Москва, 1951.

49. ЧМК: история сталинского долгостроя [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/713.html#cutid1.

50. Dr. Hermann Greife. «Zwangsarbeit in der Sowjetunion», Berlin 1936.

51. J. Scot. Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel. - Indiana University Press. 1989.

52. Wit, Cor de. Johan Niegeman, 1902-1977: Bauhaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, 1979.

Периодические издания:

53. // Проектирование и строительство городов. – 1934. - № 7-8. – С. 21 (Хроника).

54. / Известия ЦИК от 30 декабря 1930 г. № 29. С. 2.

*Опубликовано: Архитектон: известия вузов - 2010. - #31.
Публикуется на www.intelros.ru по согласованию с автором*

Меерович Марк Григорьевич,
доктор исторических наук,
кандидат архитектуры, профессор
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук,
член-корреспондент Международной академии архитектуры.
Иркутский государственный технический университет,
г. Иркутск, Россия